

Василий Лягоскин

Банкир

Клан «Восточный
банк»

Василий Лягоскин

Банкир. Клан «Восточный банк»

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Банкир. Клан «Восточный банк» / В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905586-6

Эта невероятная история никак не могла произойти. Но она произошла. И теперь Александру — обычному парню, старшему менеджеру банка «Восточный», нужно очень постараться, чтобы вернуться домой. Что-то подсказывает, что путь этот не будет скучным и безопасным...

ISBN 978-5-44-905586-6

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Сумка последнего шанса»	6
Глава 2. Трактир «У веселого тролля»	15
Глава 3. Вербка висельника, она же галстук с пальмой	26
Глава 4. Шеф и Малышка	32
Глава 5. Самая обычная магия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Банкир Клан «Восточный банк»

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5586-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Сумка последнего шанса»

– Куда я попал?

– Нет, не так... КУДА Я ПОПАЛ?!!

– Еще громче – ВОТ ЭТО Я ПОПАЛ!!!

– И не пил ведь вчера... и позавчера... И вообще я не любитель заглянуть в дно бутылки. Разве что иногда, по праздникам... Хорошего коньячку... Но об этом потом... Сейчас сделать морду лица кирпичом... То есть изобразить на ней, или нем (кирпиче!) профессиональную улыбку старшего менеджера банка «Восточный» – лучшего банка в мире, как утверждает моя непосредственная начальница Дарья Владимировна. Ну, ей-то – при ее зарплате – чего так не утверждать... Но это тоже потом. А пока... узнаю-ка я вот у этих парнишек, куда я действительно попал?... И что это за дувалы какие-то глинобитные высятся с обеих сторон улочки – кривой и пыльной, как мысли в моей голове.

Александр действительно стоял посреди улицы, какую прежде мог видеть разве что в старом фильме про революцию. Про ту революцию, которую часто вспоминали родители, и столетие которой так незаметно прошло несколько месяцев назад. В тех фильмах мелькали красные конники, гоняющие басмачей меж таких вот неприступных заборов (дувалов!). Сейчас в пыли барахтались два таких басмачонка. Кажется, пытались поделить какую-то грязную сумку. Ну, или разорвать ее пополам. Но скорее окончательно превратилась бы в утильсырьё их одежонка – вон как яростно катаются детишки по улице. Которая, кажется, никогда не знала асфальта, или чего-то похожего с ним.

Толстый слой пыли, прокаленной солнцем, сейчас медленно оседал, и опять поднимался причудливыми облачками, уже почти достигшими Александра. Парня – всего такого чистенького, наглаженного. В темном костюмчике, белой рубашке и галстуке. И еще одним непременно атрибуте его работы – бейджике сотрудника банка «Восточный». Казалось, ему бы бежать подальше, чтобы не превратиться в такого же чумазого оборванца...

Неизвестно, что заставило его шагнуть вперед, в это пыльное облако. Александр очень удачно схватил малолеток за воротники курток, точнее толстых ватных халатов, которые действительно угрожающе затрещали в его ладонях. Единственным объяснением такого опрометчивого поступка мог послужить предмет спора – та самая сумка, которую с непонятной ему руганью и натужным сопением тянули каждый в свою сторону эти оборванцы. И даже, не сама сумка, а какая-то надпись, сверкнувшая на солнце разноцветьем замысловатой вязи. Надпись эта была выполнена бисером. Точно таким, какой Саша видел на стенах дома родителей. Такой вышивкой увлекалась его мама. Пара картин украшала и стены его холостяцкой квартиры (вот он какой – жених на выданье, с собственной квартирой на девятом, последнем этаже панельного дома... но и об этом потом!).

Где-то на самом краю сознания мелькнула мысль о том, что как-то слишком быстро он переместился к месту битвы «гигантов», и что не такие уж хилые на внешний вид пацаны в его руках весили совсем ничего. Так, что Саша практически не заметил тяжести, поднеся их чумазые физиономии почти вплотную к собственному лицу. Нет – не физиономии – морды! Самые натуральные морды интенсивно-зеленого цвета. Такие, словно их только что окунули по самую шею в тазик с зеленкой. Вместе с длинными шмыгающими носами, непропорционально большими ушами, и круглыми глазками, которыми они уставились на парня.

– Хотя..., – теперь уже не мелькнула, а закрепилась в сознании следующая мысль, – там скорее была целая ванна...

Пальцы незнакомцев, так и не отпустившие лямку сумки, тоже были зелеными; только более грязными, чем эти самые мордашки. И заканчивались они самыми натуральными когтями, которыми в пару мгновений можно было разодрать чье-либо лицо в кровавые лохмотья.

– Мое! Мое лицо! – заверещал внутренний голос, который уже был готов перехватить командование телом старшего менеджера.

Прежде всего руками, никак не желавшими отпустить воротники халатов, а потом (или даже в первую очередь) ногами – чтобы унести его куда-нибудь подальше от этой улицы, залитой солнечными лучами и мелкой пылью, уже успевшей покрыть Сашу толстым слоем до колен и подбиравшейся к приталенному пиджаку. Но ладони так и не разжались. Больше того – они еще крепче стиснулись на ткани, когда он разглядел внимательней лица парней. Больше всего поражали не их цвет, и не зубы, показавшиеся в двух ртах, когда те расплылись в широких улыбках. Точнее, это были не зубы, а клыки – все сразу, по тридцать два у каждого, а может быть, и больше. Гораздо сильнее поразило Александра, и заставило застыть в ступоре выражение этих лиц. Точно такое же он видел вокруг себя каждый день, с девяти утра до шести вечера; то есть полный рабочий день. И такое же выражение росло и развивалось в физиономии, которую он сам видел в последнее время в зеркале. Это были внешне очень доброжелательные, а на самом деле хищные и предвкушающие улыбки профессиональных менеджеров, вышедших на охотничью тропу. В тот момент, когда на нее же ступила нога жертвы. То есть потенциального клиента.

– То есть меня, – не менее хищно, но не так откровенно усмехнулся Александр.

Пацанята, видимо, что-то почуяли. Оказавшись на земле (точнее, на горячей пыли), они явно были готовы задать стрекача. Но пара слов, которыми они перекинулись, и которые не принесли ему ничего в плане информации, поскольку ни одного из них Саша не понял, заставили их протянуть в его сторону сразу четыре руки. Протянуть так резко, что он едва сам не отпрыгнул подальше от сумки, мазнувшей его по лицу удивительно прохладным дуновением воздуха, и ставшей почти родной вязью букв из бисера.

Александр все же сделал шаг назад, чтобы прочесть надпись на сумке, повисшей в четырех зеленых ладонях. И, уже ничему не удивляясь, прочитал вслух, по слогам: «Сумка последнего шанса». А ниже более мелким, заставлявшим удивиться и восхититься мастерством неведомой вышивальщицы, было добавлено – скромно, и одновременно вызывающе – «От Армани».

– Однако, – пробормотал парень, принимая предмет торга (ничем иным эта сумка сейчас быть не могла) в руки.

Потрепанная временем и руками (лапами) ее прежних владельцев, кожа была на удивление приятной на ощупь. Даже складывалось впечатление, что она уже давно принадлежала Александру, и что именно с ней он каждое утро заходил в офис родного банка, и что...

Представив себе эту картинку, эту сумку, ляжку, накинутую на его специально пошитый костюмчик... парень согнал с лица мечтательную улыбку, и опять представив на месте собственной физиономии полуторный силикатный кирпич, процедил сквозь зубы, среди которых было лишь (!) четыре клыка:

– И сколько вы за эту рвань просите?

В том же самом дальнем уголке сознания, который он обнаружил в собственной голове минутой раньше, прозвучал другой вопрос: «А на кой хрен тебе эта сумка вообще нужна? И чем ты собираешься рассчитываться?».

Но первую часть вопроса тут же перебили громкие вопли двух малолетних продавцов, в которых Александр опять не понял ни слова. Зато без всяких усилий разобрал их смысл: «Бери, уважаемый, бери – не пожалеешь!».

– Пожалею, ой как пожалею, – подумал он опять той самой частью себя, которая, наверное, и называлась инстинктом самосохранения.

Другая же часть практически без его собственного участия уже сунула руку в карман пиджака, и пересчитывала ту немногую наличность, что всегда присутствовала там. Вообще-то как вполне официальный солдат огромной армии банковских служащих Саша

предпочитал рассчитываться карточками. Парочка таких и сейчас грела душу и внутренний карман пиджака. Но в троллейбусах и автобусах пока почему-то принимали только наличность. А мучить собственный двухцветный «Фольксваген поло» в февральских сугробах он не хотел...

Обведя взглядом еще раз улицу, главной частью которой по-прежнему был толстый слой пыли, обжигавший даже сквозь подошвы туфель, он медленно вытянул из кармана монету. Самую крупную из тех, что там лежали. Крупную по размерам.

– Пять рублей, пять рублей, – почти пропел Саша на мотив старой песенки, – это много или мало...

Зря он так отвлекся – совсем как клиент, впервые попавший в банк. Монета неведомым образом исчезла из стиснутых пальцев. Парень даже не почувствовал, как ее выхватил один из оборванцев.

– И кто тут из вас такой шустрый? – процедил он сквозь зубы.

На этот вопрос ответа не получил. Зато понял другое. Оба были хитрющими. И еще жадными – до чужого добра. Которое всеми фибрами своих душ (если они у них были) пытались сделать своим. Прежде всего вмиг ставшими жалобными физиономиями и четырьмя руками-лапами, протянутыми вперед. Еще одна монета, теперь уже десятирублевая, оказалась на одной из них, и так же моментально исчезла. А Александр добавил в свой кирпич цемента (или из чего там их изготавливают?), и сказал, обращаясь поверх двух зеленых голов, практически лишенных волос:

– Это все, что я готов заплатить за товар. Не согласны – валите отсюда; ищите другого олигарха.

Гоблины – так он почему-то обозвал оборванцев – разразились очередными пулеметными очередями слов, в которых я разобрал лишь два самых часто повторяющихся – гобл и бобл. Потом оба разом замолчали, и спустя несколько мгновений протянули – торжественно и в унисон. В этом дуэте Саша опять разобрал лишь два уже знакомых, но ничего не обозначающих слова. Но в такой интерпретации их почему-то хотелось произносить с заглавных букв. Он и произнес, совершенно не понимая, почему из его собственного рта вылетела в этот окружающий пыльный мир такая же торжественная фраза:

– Я, Александр, старший менеджер банка «Восточный», покупаю у Бобла и Гобла товар, именуемый «Сумкой последнего шанса» за пятнадцать полновесных российских рублей. Договор!

С последним словом по телу словно пробежала электрическая искра, не вызвавшая, впрочем, никакой боли. Только почему-то стало понятно, что сделка свершилась так, что ее невозможно разорвать. И что об этом стало известно кому-то неизвестному; третьему участнику торгов, в чью сторону и улетела та самая искра.

Парнишек наверное тоже пробило. Они дернулись; сначала всем телом, а потом ладонями, которыми, оказывается, все еще держались за лямку теперь уже чужого имущества. Натяжение в ладонях Александра исчезло, и он метнулся взглядом книзу, одновременно дергая сумку выше – чтобы та самая лямка не окунулась в пыль. А когда поднял голову, никого рядом уже не было. Словно сумка в его руках материализовалась сама собой. Но две цепочки следов, ведущие прямо посреди улицы за поворот, показывали – два странных существа, только что беседовавшие со ним на каком-то тарабарском языке, не приснились ему. И что он не перегрелся под мощными лучами солнца, какого в средней полосе России не могло быть не то что в феврале, но и самом знойном июле.

Проморгавшись после неудачной попытки оценить силу светила единственным доступным ему оптическим инструментом – собственными глазами – Саша двинулся вдоль этой цепочки, удивляясь тому, как эти малолетние торговцы стояли голыми подошвами на нестерпимо горячей пыли, и ни разу не поморщились.

– Точнее, – поправил он себя, – они морщились, и кривлялись, и харкали по сторонам беспрерывно, но явно не из-за того, что чувствовали себя не комфортно. И лысые зеленые головы им явно не припекало. А вот моя уже...

Он прибавил шаг, стремясь скорее выбраться из тепловой ловушки, где в это время суток не было ни одной тени. Но даже так, практически на бегу, успел отметить, что размер его туфель никак не дотягивает до босых подошв удравших от меня торговцев. Размера так на три-четыре. Учитывая Сашин сорок третий...

Улица наконец выпустила его на простор, на другую улицу. Эту можно было назвать проспектом. Таким же жарким, кстати. Только жар этот аккумулировали, и щедро делились с ним не пыль, а аккуратно подогнанные друг к другу булыжники мостовой. Прогуливающих по этому проспекту парочек, а также одиночек, или теплых компаний не было. Зато они явно могли быть в здании, в которое и упиралась улочка, выпустившая его из своих жарких объятий. Потому что оно не могло быть ничем иным, как местным заведением общепита. Гордое звание ресторана или кафе дать ему парень постеснялся. Скорее эту каменную громадину в четыре этажа можно было называть постоялым двором, или трактиром... таверной...

– Ну, как-то так, – кивнул Александр себе, отметив прежде всего необычную вывеску.

Необычной она была тем, что громадный, не меньше двух центнеров на вид, жареный кусок мяса был не нарисован на холсте. Он там просто был! Огромный, шкворчащий жиром, крупные капли которого капали на камни чуть в стороне от входных дверей, и издававший непередаваемый аромат, на который парень пошел, словно мультяшный хомяк из моего детства на запах сыра. Александр даже так же, как тот самый Рокки, вытянул вперед руки. В которых уже не было сумки. Она самым естественным образом переместилась на его плечо. И смотрелась на нем вполне гармонично. Кажется, даже цвет изменила – в тон пиджачку. Но от этой, и всех остальных мыслей, он отмахнулся, открывая толстенную дверь, и окунаясь в не менее восхитительную атмосферу свежести, пряных ароматов; прежде всего того самого мяса.

Здесь не было холодно, но после нестерпимого зноя снаружи Саше показалось, что разгоряченное тело обдало ледяным ветром. Или так холодно потенциального клиента встретил бармен, который стоял нерушимой глыбой за стойкой темного дерева. На этой стойке, кстати, Александр и утвердил свои руки, которые так и тянул вперед. Локти больно, с ощутимым стуком ударились о твердое дерево, и он поднял голову. И чуть было не побежал назад – еще быстрее, чем появился в этом полутемном зале. Потому что напротив скалило клыки нечто невероятное! Выделить что-то особенное в этой морде, в фигуре, наполовину возвышавшейся над стойкой, было невозможно. Там все было особенным, выпирающим мускулами, мослами... и той самой пренебрежительной усмешкой, которая буквально прилипла к Александру.

Вместо того, чтобы действительно развернуться, и покинуть заведение, громко хлопнув дверью, парень гордо вздернул подбородок, развернул плечи, достаточно широкие, но уступавшие чудовищу напротив втрое, и буквально выплюнул в лицо бармену:

– Ну, чего уставился, морда клыкастая? Нормальных людей не видел, что ли?

Монстр его слов очевидно не понял. Но смысл, или интонацию, с которой они были произнесены, явно уловил. И рыкнул что-то на своем, великанском так, что коленки у Александр опять противно задрожали. А потом ткнул вперед лапицей, которая одна весила не меньше, чем полАлександра. На удивление ловко и легко парень увернулся от этого тычка. Весь, за исключением сумки, о которой менеджер в эти мгновения просто забыл. Длинный и толстый коготь зацепил за лямку, и вот уже вся сумка, вместе со своей замечательной надписью, лежит на широченной доске.

– Десятка, не меньше, – отметил профессиональным взглядом молодой работник банка, вообще-то не очень давно окончивший лесной техникум, – и шириной почти в метр. Это где же они такой дуб спилили... без единого сучка и морозобойной трещины. Хотя морозами тут, конечно...

Тут его голову, до сих пор помнящую «ласковое» тепло полуденного солнца, едва не разорвало на части. От смеха. Не собственного, а той человекообразной гориллы, что стояла напротив, и изрыгала из себя вулкан гомерического хохота. От него некуда было деться! И это еще бармен хохотал, подняв голову к высокому потолку, набранному из таких же дубовых досок.

Александр схватился за виски, отметив, что какие-то личности, сидевшие за столиками в дальнем темном углу, и до сих пор никак не проявлявшие себя, тоже дернулись, явно впечатленные столь буйным проявлением эмоций. А гигант наконец перестал биться в истерике, и резко опустил голову, отчего с его глаз сорвалась целая россыпь слез. Каждая слезинка была размером не меньше тех жирных капель, что снаружи трактира капали на раскаленные камни. Но Саша даже не дернулся, не махнул рукой в попытке смахнуть их с собственного лица. Таким неожиданным для него было преобразование монстра. Теперь это лицо напротив не было угрожающим, диким, готовым рвать и метать. Добродушная и какого-то бесшабашного веселья в нем было, пожалуй, больше, чем прежде ярости.

Рот бармена опять открылся, извергнув теперь не громовые раскаты смеха, а вполне разумную речь. Разумную, но непонятную для Александра.

– Впрочем, нет – поправил себя он, – два слова я уже слышал сегодня, и не один раз. Бобл и Гобл... Да вот же они!

Одним пальцем трактирщик стучал по сумке, отчего Саша немного встревожился – не проткнул бы тот острым когтем кожаный верх недавней покупки, да не содрал бы бисер. Но сумка «держалась», и он перевел взгляд туда, куда тянулась вторая рука такого добродушного сейчас монстра. Еще один коготь указывала сейчас в тот самый угол, где за столом сидели знакомые Александру парнишки.

– Да нет, – поправил он себя, уже не в первый раз за сегодняшний день, – никакие это не парнишки. Не стал бы этот страхолюд наливать пива детям.

А зеленокожие знакомцы как раз подняли в направлении стойки, а значит, и Саши, громадные кружки, с которых на столешницу, или пол, от такого резкого движения сорвались ключья пены.

– Пиво, – догадался Александр, – я бы сейчас тоже...

Пиво он не любил. Нет, скорее, любил не очень сильно. Мог за компанию выпит кружечку, но не более того. Но сейчас, после торга под жаркими лучами солнца, и шока от встречи с местным трактирщиком, было бы неплохо... Саша почти физически почувствовал, как по горлу течет, и проваливается глубже, в желудок, плотная янтарная струя, несущая голове мягкий, обволакивающий сознание туман, а телу небывалую легкость и готовность к приключениям... А потому опять повернулся к тому, кто, собственно, и мог одарить его пенным напитком.

– Ну, или продать, – теперь уже сам Александр окинул трактирщика оценивающим взглядом, – да уж, приключенье...

И странно – под таким взглядом гигант за стойкой вроде как съежился, стал меньше, вполне сопоставимым фигурой, или силой, скрывающейся за ней, с ним, менеджером не самого последнего в стране банка. С трудом сглотнув глоток воздуха, а вместе с ним последнее непонятное слово, трактирщик резко дернул рукой назад, за спину. И почти сразу же она вернулась вперед, под самый нос Александра. Теперь на том же когте висел, покачиваясь на кожаном ремешке, медальон. Самый обычный каменный кругляш размерами с хоккейную шайбу, на который Саша уставился с непонятной для себя опаской. Камешек болтался перед его глазами, а вслед за ним словно перемещалось какое-то облачко микроскопических мошек. Парень моргнул два раза, приняв это облачко за самые обычные фантомные призраки, вполне объяснимые резким переходом от ярких солнечных лучей к полутьме заведения. А когда он открыл глаза в третий раз, в руке трактирщика уже ничего не было. А тот самый кругляш непривычной тяжестью расположился на груди Александра. Ни возмутиться, ни испугаться, ни проявить

какой другой эмоции парень не успел. Теперь у его визави пошли в ход сразу два когтя правой ладони. Гигант щелкнул ими, издав звук, сравнимый с треском сломанной доски (не меньше той же сотки), и во второй раз за последний час тело парня отреагировало на искру, родившуюся теперь в голове.

Но эта искорка ниже, к ногам, и в деревянный пол не ушла. Она заметалась внутри черепной коробки, словно не могла вырваться наружу. А сам Александр вдруг вспомнил пса из своего не такого далекого детства. Громадный алабай Малыш вот так же неистово метался по своему вольеру, стоило лишь появиться во дворе кому-то чужому. Логическая цепочка продолжилась.

– Если в природе нашего Малыша, туркменской овчарки, главным было охранять стадо, строить овец рядами, и гнать в нужном направлении, то эта искорка...

Он вдруг понял – искра мечется в черепе совсем не хаотично. Она строит – тех самых мошек, что переместились с камня в его голову, и сейчас служат зримым примером одного из уроков физики. Того самого, когда учитель объяснял, что случилось бы с окружающим миром, исчезни из него трение.

На искру, видимо, распространялись совсем другие законы, не подвластные Александру. Сейчас он мог только наблюдать за ней, но никак не изгнать из черепной коробки, или помешать строить юрких непослушных «барашков».

– Все! – выдохнул он, наконец, убедившись, что громадная «отара» в его черепушке выстроилась, и готова тронуться в путь.

– Так быстро?! – удивился почему-то трактирщик, – и трех фарлонгов не прошло.

Александр удивился еще сильнее:

– А что такое фарлонг?

Он даже оглянулся назад, в сторону Бобла и Гобла, словно ожидая ответа от них. Последние хлопья пены их кружек еще не достигли пола, и Саша понял, что неведомый «фарлонг» можно было сравнить с секундой. А потом еще изумленной отвесил челюсть, успев все-таки выплеснуть сквозь нее:

– Я понимаю тебя!

– А я тебя, – кивнул гигант, сохраняя в лице удивление и недоверие, – как быстро у тебя получилось приручить разговорник!

– Это ты считаешь быстрым? – почему-то заявил Александр, чем вверх трактирщика в еще большее изумление.

Потом два взгляда – человеческий, и непонятно чей – медленно переместились на предмет, послуживший первопричиной столь неординарных событий. На сумку. С которой явно произошли какие-то непонятные пока для Александра перемены.

– Ну, ты и попал, парень, – озвучил гигант мысль, что недавно пришла в голову Саши без всяких подсказок, – как тебя угораздило купить у этих придурков «Сумку висельника». Да еще с Договором.

Именно так, с большой буквы, воспринял перевод последнего слова человек. И та часть его сознания, пока еще связанная с банком «Восточный», возмутилась:

– А какое тебе до этого дело, парень? Что хочу, то и покупаю. И потом, причем тут какие-то висельники?

Трактирщик на «парня» громко икнул, а потом, хитро прищутив правый безбровый глаз, ткнул когтем в сумку, которую успел уже развернуть надписью к Александру. И тот, не веря собственным глазам, прочел. Вслух и по слогам: «Сум-ка ви-сель-ни-ка». Вместо упоминания об Армани ниже злобнейшей строки скалил клыки череп неведомого существа. Саша бросил быстрые взгляды на трактирщика, а потом Бобла с Гоблом, словно примеряя этот череп к еще живым, растущим из плеч. И от этого взгляда все три нечеловека почему-то отшатнулись, изменив цвет испуганных лиц. Парнишки – это было заметно даже в полутьме – из интенсивно

зеленых стали не менее ярко-синими. Темно-серый цвет морды напротив стал насыщенным, почти черным.

– Странно, – вслух подумал Александр, почти физически испытывавший сейчас экстаз от такой реакции на единственный взгляд, – вроде бы побледнеть должны, а тут... Может, вам кровь пустить нужно?

Трактирщик, одного удара кулаком которого могло хватить, чтобы размазать человека в блин, прошептал, с хрипом выдавив воздух из груди:

– Не надо крови...

– Ну, не надо, так не надо, – покладисто согласился Саша, – а давай-ка попробуем так.

Гигант не успел ни возразить, ни отмахнуться от Александра и его непонятого пока предложения. Он лишь закрыл глаза, а Саша, недоуменно пожав плечами («Ну что такого страшного в этом?»), медленно стянул с себя камень.

– И что поменялось? – вслух подумал он, обращаясь лишь к себе, – ни-че го. А, нет!

Ничего не изменилось в голове. «Барашки» так и стояли внутри черепа стройными рядами, охраняемые строгой искоркой. А вот сумка в очередной раз претерпела изменения. Она снова обещала светлое будущее оптимистичной надписью «Сумка последнего шанса», и издевалась... то ли над самим Александром, то ли над маэстро Армани.

Кожаный шкурок разговорника больно царапнул по уху, и на стойке опять лежала «Сумка висельника». А череп на ней скалился еще злобней. Трактирщик тем временем явно пришел в себя. Он шумно выпустил сквозь сомкнутые прежде клыки воздух, и, удивленно повертев головой («И чего я испугался какого-то недорослика?!»), – прочел в его глазах Александр), подтянул к себе сумку.

– Гляди, – весело ощерился он, чуть сильнее став похожим на череп, – на этой веревке повесилось больше человек, чем ты видел в своей жизни.

Про «человек» – это решил про себя Саша; сам гигант произнес слово, на которое «барашки» в голове не отреагировали.

– Тебя бы в Москву, – процедил он трактирщику, подтягивая законное имущество к себе, – да в метро, да в час пик! Ну-ка, что у нас тут!

В сумке действительно лежала веревка. Александр даже вытащил ее, как и громила. А потом с трудом преодолел в себе нестерпимое желание накинуть ее...

– Да хотя бы на твою шею, – перевел он взгляд на трактирщика, и тот опять испуганно отшатнулся.

Веревка скрылась в сумке, и опять возникла над ней. А потом еще, и еще раз. Не сама, конечно, а вместе с рукой парня. Он еще и приговаривал, как положено: «Входит и выходит, входит и выходит... Совсем как хвостик Иа. Только вот не хочется представлять себе ишачка, у которого вырастет такой хвост!». Наконец, этот эксперимент Александру надоел, и он перешел к новому. Теперь рука «нырнула» в сумку после того, как вторая стянула с шеи камень. Нырнула, но не вынырнула. Почему-то Саша не захотел выставлять на всеобщее обозрение галстук. Самый обычный галстук, аккуратно сложенный внутри сумки.

– Все, – выдохнул он, – с этим понятно (хотя как раз понятным ничего не было). Я так понимаю, у тебя тут можно перекусить?

– И перекусить, и выпить, – кивнул гигант, превращаясь в самого обычного трактирщика, выделявшегося от всех остальных лишь внушительными размерами, – и ночлегом обеспечим.

Теперь его коготь показывал в потолочную балку, к верхним этажам здания. А два когтя на второй руке скорее всего сами заскрежетали; словно ту самую сломанную виртуальную доску теперь пилили гигантской и неимоверно тупой пилой. Здесь перевода не требовалось:

– Расчет наличными, парень.

Александр с тяжелым вздохом достал все ценное, что у него было. Совсем маленькую горсть монет, две карточки родного банка («Платиновые!») и несколько мелких купюр, айфон

седьмой модели. Последний, впрочем, выкладывать на стойку не стал. Лишь проверил, имеется ли в наличии интернет, с вполне понятной безнадежностью в голосе спросил трактирщика: «Вай-фай в номере подключаете?», и, дождавшись еще одного изумленного взгляда хозяина заведения, со вздохом спрятал гаджет. Машинально – и не в карман, а в свою новую сумку.

Трактирщик потянулся еще и за бейджиком на лацкане пиджака, буркнув: «Возьму на время; в залог за разговорник». И тут же замер, теперь выражая изумление ставшими огромными и круглыми, как блюдца, глазами. Да Саша и сам удивился. Камень вместе с кожаным кружком лежал на дубовой доске, выскобленной дочиста, но они с троллем понимали друг друга.

– Почему троллем? – задал себе вопрос Александр; и сам же ответил на него, вспомнив вывеску над входом в трактир.

Теперь он мог перевести ее на русский; даже без разговорника: «У веселого тролля».

– Это ты что ли веселый тролль? – задал он вопрос, заставивший хозяина стряхнуть с себя оцепенение.

– Я это, я, – хрипло ответил трактирщик, – Зай из клана Полуденных Троллей.

– Ну, а я Александр, – ответил на его безмолвный вопрос парень, – из клана... банкиров.

– Не слышал, – буркнул хозяин, начавший сортировать невеликую кучку монет столбиками.

– А уж как я не слышал про твой клан... и всех остальных троллей, вместе с Боблами и Гоблами впридачу! – воскликнул Саша про себя, – но есть от этого почему-то меньше не хочется.

Троль между тем закончил сортировать наличность, проигнорировав бумажные деньги, и перешел к карточкам. Денег там было, конечно же, куда как больше, чем жалкая кучка монет, но... никаких считывающих устройств типа банкоматов в наличии не было. Точнее было одно – ладонь тролля, которой он провел сразу над обеими карточками. Между громадной лапищей и кусочками пластика мелькнула россыпь искр; хозяин практически сразу сморщился.

– Нет, не осилю, – пояснил он, подвигая карточки к парню, – а за это... три дня (так Александр перевел для себя незнакомый набор букв) постоя. Отдельная комната с удобствами и харчи. Трехразовое питание.

– Неделя, – Саша тут же подвинул к себе пятидесятикопеечную монету, которую тролль, в отличие от остальных, отложил подальше от человека.

Единственное, что отличало эту монетку от остальных, более ценных для любого, разбирающегося в них, был отштампованный Георгий Победоносец, поражавший Змея длинным копьем. Все остальные были «украшены» двуглавыми орлами.

– Это как? – не понял тролль.

Саша не дал его глазам опять превратиться в блюдца с огромными зрачками; быстро пояснил:

– Семь дней!

Троль побряхтел, и выдавил из себя:

– Четыре... но до полудня чтобы освободил комнату.

– Восемь, – невозмутимо предложил Александр, убирая подальше заветную монетку.

– Это как? – чуть не подавился трактирщик, – так не торгуются! Это не по правилам!

– Правила?! – наигранно удивился Саша, – ты будешь учить меня правилам?!

И он постучал для убедительности по бейджику на лацкане; по собственной физиономии на нем.

Трактирщик, казалось, подобрал в свою мощную грудь весь свободный воздух из зала. Потом так же неторопливо выпустил его, и кивнул:

– Хорошо! Как ты там сказал? Неделя? Значит неделя. Договор?!

– Договор! – машинально ляпнул Александр.

Он дождался, когда привычная уже искра скользнет по жилам и пропадет в полу, и только потом спохватился:

– Подожди, мы еще не обо всем договорились! А питание? Меню предъявите, пожалуйста!

– Питание стандартное, – отрезал трактирщик, – как для всех. Можешь опробовать прямо сейчас.

– Тащи! – скомандовал Александр, стягивая со стойки сумку со всем своим богатством, и направляясь к столику в противоположном от Бобла с Гоблом углу; и, не удержавшись, добавил, – Зая!

– Меня зовут Зай! – громынуло вслед парню, и его как ветром потащило к выбранному столику.

Впервые за этот день улыбка Саши была широкой, искренней, и... предвкушающей.

Глава 2. Трактир «У веселого тролля»

«Столик» – это Александр так неудачно пошутил. Столешницу для него явно выпиливали из того же дуба, что и барную стойку. И толщины соответствующей. Но когда парень машинально ухватился за угол этого массивного произведения столярного искусства, стол неожиданно легко оторвался краем от пола. Аккуратно опустив его на законное место, Саша примерился уже к скамье, каких у стола было две. И обе массивные и неподъемные на вид. Однако первую же, что ухватили ладони ради очередного эксперимента, он легко поднял на уровень груди.

– Почти как штангу, – подумал Александр.

На ум сразу же пришли другие спортивные снаряды. Молот, которым так удобно было размозжить две глупые зеленые морды, сейчас нахально скалящиеся в дальнем углу; и тот же молот, но уже летающий. Предположительно в тот же самый угол.

Вместо броска Александр аккуратно утвердил все четыре ножки скамьи на полу, и уселся на нее, погрузившись в тяжелые думы. А что еще было делать, пока ничего съедобного еще не принесли? Разве что помахать ладошкой в ответ Боблу и Гоблу, всю веселящихся со своим пивом и какими-то закусками («На мои пятнадцать рубликов, между прочим», – вспомнил парень) и приступить, наконец, к ответу на вопрос, который он задал себе с первым лучом солнца, ударившим его по башке на пыльной улице:

– Куда это я попал?

Вариантов было много, но заслуживали внимания лишь три из них.

– Итак, – начал Александр, – начнем в порядке увеличения бредовости – если можно так выразиться. Первый, и вполне вероятный – я сейчас просто сплю, и снится мне ... «не рокот космодрома»... а тролли с гоблинами – так, кажется, описываются в фантастических книжках мои малолетние зеленокожие друзья. Хотя, как мне теперь кажется, не такие уж они и малолетки. Ну, ладно.

Второй, тоже вполне возможный вариант – это тот, что лежу я сейчас на больничной койке, или еще где-нибудь, в темном переулке, например, с проломленной башкой, или накаченный до самого горла лекарствами, и грежу уже совсем по другим причинам.

И третий, самый последний, и самый нереалистичный. Это то, что все вокруг сущая правда; и что я действительно попал в другой мир, где вполне себя неплохо чувствуют тролли, гоблины, и другие не менее экзотические существа. И знаете что, ребята (тут Саша даже суть привстал со скамьи, оглядев несуществующих зрителей)?! Последний вариант мне нравится гораздо больше двух первых. Тем более, что события, которые предшествовали появлению и пыльной улицы, и Бобла с Гоблом и их («Уже моей!») сумки, этому варианту вполне соответствовали.

Додумать ему не дали. По самой уважительной причине – принесли обед. Местный, так сказать, бизнес-ланч. На него парень и обратил прежде всего внимание. Потому что такой «бизнес-ланч» он мог бы оплатить разве что остатком с карточки. На которой, кстати, как раз сегодня утром появилась зарплата за вторую половину января.

Итак, блюд было всего три. Первое, и самое объемное – поднос с мясом, которое, кажется, срезали крупными кусками с того самого окорока, что висел на вывеске заведения. По крайней мере, и шкворчали они точно также, и аромат источали вокруг так сильно, что гоблины в своем углу даже вскочили со скамьи. Второй поднос, который уже можно было назвать тарелкой, был заполнен кусками не менее ароматного хлеба. Причем исключительно горбушками – словно их специально собирали для Александра несколько дней. Только вот так пахнуть мог лишь свежее испеченный хлеб. И, наконец, пивная кружка, что стукнула своим запотевшим дном о сто-

лешницу, была не меньше, чем в три раза объемней тех, из которых до сих пор тянули свое пойло зеленые недомерки.

– Нет, – это не пойло, – мысленно воскликнул парень; мысленно, потому что рот был заполнен восхитительным напитком, – это самое лучшее пиво, какое я когда-либо пробовал!

Плотное, тягучее, и в то же время изумительно легко проскальзывающее в горло... не меньше литра этого чуда оказалось внутри Александра, прежде чем он опустил кружку на стол. Теперь можно было приступить и к основному блюду. Двухзубая вилка из неизвестного металла нацелилась на самый верхний в этой горе мяса кусок, и замерла буквально в сантиметре от цели. Потому что к этому бизнес-ланчу прилагалось зрелище. И таким, как оказалось, должен был выступить сам Александр. Собственной персоной. Другая персона – та, что принесла тяжеленный поднос с едой на стол – стояла рядом и с непонятым ожиданием и надеждой смотрела, как Саша примериваясь к мясу. Уходить она явно не собиралась. Даже после того, как он довольно бесцеремонно оглядел ее с головы до ног, а потом в обратном направлении – с ног до головы. Ну, что сказать? В целом, картинка впечатляла и радовала глаз. Плотная, достаточно коренастая девушка не вызывала никакого внутреннего отторжения именно в этом качестве. Как особь противоположного пола. Хотя человеком, несомненно, не являлась. Острые зубки, немалое число которых проглядывало за растянувшимися в улыбке пухлыми губками, вполне здоровый для нее серый цвет лица и другие признаки, пока не опознанные, но очевидно присутствующие в ее застывшей фигуре, почему-то заставили Александра подумать, что официантка (или, на местный манер, подавальщица) состоит в родстве с трактирщиком.

– Может даже весьма близком родстве, – заметил про себя парень, насаживая все-таки кусок на вилку, – хотя сравнить их с Заем можно примерно как коня с трепетной ланью. Ну, или рябинку с тем самым дубом, из которого сделана вся мебель в этом трактире.

Еще раз оценив стати официантки, Александр наконец вонзил зубы в кусок, который, наверное, целиком не поместился бы даже в пасти тролля. Да ушей донесся приятный хруст поджаренной корочки, а рот наполнил восхитительный горячий сок, что провалился в пищевод раньше, чем мясо, из которого этот самый сок и вытек. Мастерство неведомого повара поражало. Все самое ценное и вкусное, что было в этом кусочке когда-то хрюкающего, или мычащего мяса, несомненно было сохранено. И преумножено микроскопическими дозами специй, ни одной из которых Александр опознать не мог. Да он и не старался проводить такой анализ. Остатки сознания, что еще не погрузились в таинство чревоугодия, пытались лишь проконтролировать, чтобы пряный сок, сразу же потекший изо рта, не стек дальше, на костюм, и так уже давно потерявший былой лоск. Но с этим Саша как-то справился. Как и с куском – первым, потом вторым, третьим...

Наконец, срезав верхушку ароматной горы примерно на треть, и отправив ее внутрь себя, парень перевел дух. Точнее, не дух, а собственное внимание на другие, столь же завлекательные цели. Кружку пива и девушку, что смотрела на него теперь еще и с изумлением. Отпив порцию, какую в земных ресторанах подавали в отдельном бокале за раз, он кивнул девушке:

– А что, я еще и не такое могу.

Это Саша хвалился собственным аппетитом, который, вообще-то, поразил и его самого. Вслух же он предложил, только теперь проявляя джентльменство. Довольно неуклюже – как сам себе признался:

– Ну, раз ты уходить не собираешься, можешь посидеть рядом. В ногах правды нет.

– Это как?! – еще сильнее открыла рот девушка, – а где она?

Потом, помотав головой, словно изгоняя из нее ненужные мысли, привнесенные в нее незнакомцем, она выплеснула на него то самое изумление, что прямо сочилось из ее глаз.

– Где твой нож?

В этом вопросе было не только изумление. Подавальщица словно уличила сейчас Александра в чем-то неприличном. Словно он сейчас сидел в общем зале без штанов... а может, и без трусов. Причем так явственно и рьяно, что парень понял – в этих местах, а может, вообще в этом мире, ходить без ножа неприлично. Или опасно. Смертельно опасно.

Оглядев стол, и не отметив на нем ни озвученного предмета сервировки, ни салфетки, о которую можно было вытереть жирные пальцы, парень вздохнул, и совершенно непринужденно, почти привычно полез этими самыми пальцами в сумку, что лежала рядом на скамье. И только нащупав внутри что-то твердое и продолговатое, что никак не могло быть ни веревкой, ни галстуком, от наконец почувствовал, что изумлению тоже нашлось немного места в его сознании. Но на лице он его не проявил; достал самый обычный столовый нож из цельного куска металла так, словно последний его дожидался с того самого момента, как сумка перешла в собственность Александра. Там, кстати, было еще что-то. А именно, какой-то эфемерный кусок изумления, который вырвался из «Сумки последнего шанса» прежде, чем хозяин закрыл ее. Саша ощутил это изумление физически. Тот облетел его, словно ветерок, застыл ненадолго, и медленно растаял в атмосфере, заполненной ароматами жареного мяса, и еще чего-то не менее вкусного.

Девушка, между тем, ловко скользнула на скамью, что располагалась за столом с противоположной стороны. Она утвердила локти на столешнице, сплела пальцы рук, украшенные небольшими, но очень острыми на вид коготками, и утвердила на этом ложе подбородок. И опять уставилась на Александра с ожиданием. И точно такое же чувство – парень это как-то почувствовал, и уверился в этом – бурно изливалось на их столик со стороны барной стойки. Хотя, казалось, Зай смотрел куда-то в сторону; а именно туда, где гоблины никак не могли опустошить свои кружки. Это внимание было непонятным лишь на первый взгляд. Так почему-то решил Александр. И тут же сложил нехитрую логическую цепочку. Достаточно было оценить собственную фигуру и тот объем снеди, что на удивление легко принесла сюда официантка. Предположив, что жизнь в этом малолюдном (или как это тут называется?) месте не очень богата на зрелища, сейчас между двумя троллями был заключен спор: «Сможет он все это изобилие на столе умять за один раз?». Сам бы Александр в таком споре прежде встал бы на сторону того, или той, кто не признал за ним такие выдающиеся способности. Прежде. Но теперь он почему-то был уверен – из-за стола он не встанет, пока не подотрет последним куском хлеба опустевшее блюдо. А до того не стукнет о столешницу кружкой. Естественно, перевернутой.

– На что спорили? – спросил Саша, цепляя на вилку еще один кусок мяса.

– На тебя, – машинально ответила официантка, и тут же ойкнула, прикрыв зубастый ротик ладошкой.

– Это понятно, – кивнул парень, прожевав и проглотив кусок, – приз какой? И, кстати... Александр.

Он встал, и протянул вперед руку; теперь, когда верхушка мясной горы исчезла, сделать это было совсем просто.

– Зея, – подскочила и троллиха, – очень приятно.

– М-м-м, – промычал Александр, усаживаясь на место; очередной аппетитный ломоть уже был порезан на куски, и исчезал с прежней скоростью, – взаимно. Так что ожидает победителя?

– На желание мы спорили.

Лицо девушки стало темно-серым. Очевидно, таким образом тролли не только бледнели, но и краснели. Она поспешно добавила.

– Если ты не осилишь этого, – Зея обвела рукой стол, и тоже присела, – мой брат расцелует всех гоблинов, что будут оставаться в зале.

– А если съем? – Александр принялся терзать ножом особо крупный кусок, – кого будешь целовать ты?

– Тебя...

Девичья мордашка стала еще темнее; дальше цвет переходил скорее уже в черный, чем серый. Он и перешел, когда Саша подмигнул девушке, и невинным голосом спросил:

– А ты как хочешь – выиграть, или проиграть?

Зeya отвечать не стала. А Александр задал тот же вопрос себе, и... тоже затруднился ответить. Посмотреть, как громадный тролль ловит по залу зеленых коротышек и награждает их поцелуями, он бы не отказался. Но и второй исход пари, в котором он, как оказалось, принимал самое непосредственное участие, его вполне бы устроил.

Наконец на блюде остался сиротливо дожидавшийся своей очереди последний, самый маленький кусочек. И от крайней горбушки осталось всего ничего – только повозить ею по остаткам жира. Ну, еще добрый глоток пива в кружке. Причем Александр совершенно не чувствовал тяжести в желудке. А энергия в теле буквально била через край. Только направить ее было некуда. Разве что на шутку... Почти невинную.

– Все! – заявил он, отваливаясь от стола, и опираясь спиной о стену трактира, у которой и располагалась его скамья, – больше ни крошки не влезет.

– Ага! – победно заверещала Зeya, вскочив с места так стремительно, что вторая скамья опрокинулась на пол, – я так и знала!

Она помчалась к стойке, а потом в дальний угол, где, как оказалось, сидели не только Бобл с Гоблом. Еще не меньше полудюжины их соплеменников сейчас с опаской наблюдали, как громадная туша тролля нависает над их столом. И тут же раздался пронзительный визг – это трактирщик уцепил руками сразу четырех недомерков. Остальные брызнули в разные стороны. Причем ни один почему-то не побежал в сторону двери. А тролль действительно расцеловал гоблинов в зеленые мордашки; шумно, в засос, под верещание коротышек. А потом принялся носиться меж столами, ловко обходя все препятствия, и вылавливая остальных участников странной игры из углов и из-под столов и лавок. А в том, что это была именно игра, в которой сами гоблины принимали вполне осознанное участие, Александр убедился не один раз – когда и Зай, и другие игроки, еще не запятнанные, подмигивали ему, пробегая мимо. Догадаться, ради кого была устроена эта кутерьма, было нетрудно. Посреди зала стояла юная троллиха, счастливо хохотавшая – особенно залиvisto в тот момент, когда очередная «жертва» оказывалась в лапах трактирщика. Причем, как очень скоро разобрал парень, оказывались они там не по одному разу.

Когда количество повторов стало неприлично большим, Александр решил привнести в это представление свежую нотку. Допив последний глоток пива, он крякнул с некоторым сожалением, и хлопнул пустой посудиною по столешнице, рядом с блюдом и тарелкой, тоже сверкавшей абсолютной пустотой.

Посторонний звук заставил действие превратиться в пантомиму. Причем очень медленную. Лишь несколько гоблинов не смогли мгновенно остановиться. Остальные же, в первую очередь главные герои Зай с Зеей, замерли на месте, и уставились на Александра, который сейчас напомнил себя самому какого-то известного дирижера. Может потому готов был взмахнуть вилкой в руке, начиная второй акт спектакля. Саша действительно пробурчал себе под нос: «История вторая... романтическая!». Он не попытался вспомнить, из какого фильма выдернул эту, или похожую фразу; просто заявил много громче, кивая на пустую посуду:

– Глядите! Съел! Все съел! Зeya – ты победила!

Никто на его слова никак не отреагировал. Видимо, такими пятнашками, какими только что устроили тролль с гоблинами, веселье обычно и ограничивалось. Теперь же все молча, не поворачивая даже голов, лишь ворочая зрачками вслед движению парня, наблюдали, как он подошел к потемневшей вновь лицом девушке, и обнял ее, наградив по-настоящему жар-

ким поцелуем. Причем, в отличие от всех предыдущих в этом зале, вполне взаимным. В этом Александр готов был поклясться перед всеми тролличьими и гоблинскими богами. Были ли в доступной ойкумене какие-то еще, парню было неизвестно. Да, в общем-то и безразлично...

А вот тот рев, что раздался за его спиной, от входной двери, проигнорировать было нельзя. Александр развернулся так резко, что едва не сделал полный оборот, опять оказавшись лицом к лицу с Зеей. Конечно, глядеть на нее было гораздо приятней, что на толпу монстров, отличавшихся от трактирщика лишь нарядами, и размерами – в меньшую, и большую сторону. Хотя для Александра и Зай был запредельно огромным. Тот же тролль, что сейчас бил себя в грудь, и ревел, подобно хищному зверю, был на голову выше трактирщика. А уж измерить, насколько шире были его плечи, Саше никто не дал – ни возможности, ни времени. Впрочем, он еще успел заметить, что за этим громилой стоит кто-то еще шире и массивней. А потом обоих гигантов он смог разглядеть в мельчайших подробностях – когда они в несколько шагов оказались рядом с парнем, и синхронно протянули к нему лапы. Там тоже было все в порядке; и с мускулами, и с когтями.

Ждать, когда эти когти вонзятся в его тело сантиметров на пять, а может и глубже, а мускулы напрягутся в ничтожном усилии, позволявшем свить из самого Александра веревку подобную той, что лежала в сумке, он не стал. Как-то необычайно ловко и быстро он проскользнул между двумя мощными жаркими телами, и пробежал несколько шагов, едва не растянувшись на полу из-за скамьи Зеи, так не вовремя подвернувшейся под ноги.

– А почему не вовремя? – задал он вопрос человеку; единственному, которому доверял в этом мире на все сто, то есть себе, – очень даже вовремя!

Когда первый, самый шустрый из парочки монстров повернулся и шагнул к юркому человечку, тот уже замахивался скамьей на уровне собственной груди. Троллю удар пришелся в район пупка. Это еще Александр его пожалел; чуть доверни он скамью книзу – и пришлось бы есть кому-то на ужин яичницу по-тролличьи. Теперь же сокрушительный удар заставил противника согнуться пополам, и отлететь к каменной стене, в которую он и врезался могучим задом. Так что бессознательный уже тролль разогнулся, и разлегся вдоль стеночки бездыханной тушей.

Александра такой результат удара, никак несоизмеримый с монументальным колоссом, поразил так, что он практически не сопротивлялся, когда взревевший с новой силой второй соперник, которому разлетевшаяся на кусочки скамья ничем не грозила, вздернул его кверху. Сашина голова оказалась напротив его собственной. Какое-то время парень как-то отстраненно, безо всякого страха наблюдал за тем, как к его лицу приближается оскаленная пасть, вооруженная набором острейших желтых клыков. А еще собственные мускулы Александра, не сравнимые по мощи с громадными валунами, перекатывающимися под серой кожей тролля, вполне успешно противостояли попыткам раздавить его грудную клетку. Даже дышать получалось достаточно легко.

Троль же, уверенный в силе собственных мышц, совсем выпустил из виду руки противника. Он лишь проводил взглядом две такие немошные на его взгляд человеческие конечности, которые широко раздвинулись, а потом сошлись с резким хлопком на ушах противника. Александр ничуть не удивился бы, если бы голова тролля лопнула, как орех, а его мозги забрызгали вокруг все, и прежде всего самого парня. Но нет – такого чуда не произошло. Троль лишь ослабил кольцо своих рук, выпуская на волю Сашу и сделал два шага назад. словно специально, для Александра – чтобы тому было получше видно, как эта громадина мазнет ладонями по собственным ушам, покажет противнику их, уже густо измазанные кровью, а потом улыбнется ему жалобно, и рухнет рядом со своим соплеменником.

И только потом в зал вернулись звуки. Громко и неразборчиво, а еще угрожающе ревел трактирщик; поскуливали под столами забившиеся туда гоблины, и угрюмо перешептывались

остальные тролли, так и толпившиеся у дверей. А Зея вполне отчетливо выкрикнула, перекрывая все остальные звуки:

– Это братья Грах и Грух! Вот они и навалились на того, кого нельзя безнаказанно обидеть. Спасибо тебе, Александр!

Вообще-то парень во время этой эпической битвы ни о троллихе, и ни о ком другом не думал. Себя бы, любимого, из неприятностей вытащить. Ну, а уж если вытащить получилось, то почему бы не выкатить грудь колесом, не выставить правую ногу вперед, и встать в позу записного героя. Но делать этого он не стал, как и восклицать по примеру иных излишне героических личностей: «Ну, кто следующий?!». Хотя и понимал, что вряд ли кто еще шагнул бы сейчас вперед, чтобы постоять за честь братьев.

Нет, Александр спросил с места; все желающие могли услышать и отсюда:

– Что это за братья такие? И с какой стати они набрасываются на мирных постояльцев? Какая муха их укусила?

– Никто их не кусал...

Скрипучий голос за спиной заставил Сашу чуть вздрогнуть, а потом развернуться с рукой, уже занесенной для удара. Только бить стариков и детей он не был приучен. Хотя и всех остальных тоже. Это сегодня все у него получалось так ловко, словно само собой; без всякого вмешательства головного мозга. Последний просто запаздывал за реакцией тела. Теперь же настала очередь включить всю мощь интеллекта.

Новый противник тоже отличался гигантским ростом и широченными плечами. Только вот плечи эти давно уже поникли, и спина, скорее всего, не разгибалась. А серое лицо было испещрено глубокими морщинами. И противником он, как тут же выяснилось, не был. А может, был, но тщательно скрывал это. На Александре он остановился спокойным взглядом, а на поверженных соплеменниках с какими-то особыми чувствами, в которых человек распознал прежде всего беспокойство, и легкую грусть, а даже не избывшую себя после их поражения гордость за переросших его отпрысков. Так мудрый дедушка смотрит на непослушных внуков. И это предположение парня тут же подтвердилось.

– Я Грум, – обратился старик к Александру, – Глава клана Равнинных Троллей. Грух и Грах мои внуки. Ни у них, ни у меня, ни у кого в племени нет к тебе претензий, человек.

– Ха! – чуть не воскликнул парень, – у него нет претензий! А у меня они есть!

Остановило его от такого возгласа одно – напряженное внимание в лицах Зая и Зеи. Причем, в лице огромного тролля это напряжение граничило с отчаянием. К нему и повернулся Грум.

– К клану Полуденных Троллей у нас тоже нет претензий. Никаких..., – старик помолчал, а потом (как понял Александр по искажившемуся в муке лицу трактирщика) добил его последними словами, – между нашими кланами больше нет Договора, Глава.

И опять по телу Саши пробежала искра. Хотя, какое отношение имел к нему неведомый договор? Но вот промелькнуло же понимание, что какая-то незримая нить порвалась в пространстве. Но тут было именно понимание, а вот тело Зая словно действительно пронзил электрический разряд немыслимой мощности – так страшно коржило его. Тролльлиха прильнула к брату, и не видела уже, как по команде старика лежащие у стенки тела подхватили сразу несколько сильных рук. Громко хлопнула дверь, и в зале стало намного просторней. Как показалось Александру, еще и чище. И воздух словно стал свежее. И запахи стряпни вернулись.

Только лицо хозяина заведения показывало, что веселье, недавно царившее здесь, уже никогда не вернется. По крайней мере, такое мнение сложилось у самого Александра. И он с этим не собирался смиряться. Прежде всего потому, что считал себя ответственным за все произошедшее. Не виновным, нет! Ответственным.

– А значит, – тяжело (и ответственно) вздохнул он, – мне и разруливать ситуацию. Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Последние слова прозвучали громко. Они заставили вздрогнуть, и отступить от тролля девушку. А трактирщик шагнул вперед, и протянул к парню лапу с отрытой ладонью. На широ-
ченной длани сиротливо затерялась монетка – та самая, пятидесятикопеечная.

– Я думал, – прогудел тролль равнодушным ровным голосом, в котором Александр все-
таки различил обреченность, – что ты, незнакомец, и твой крил принесет моему клану удачу.
Увы... наверное, сила этого крила столь же мала, как и он сам.

– Как и ты, – угадал Саша скрытый подтекст в его словах, – и такой же бестолковый. Ну,
кто тебя просил вмешиваться?..

Александр возмущился на эту невысказанную претензию – я что, должен был стоять,
и смотреть, как меня убивают? Но высказать свое возмущение вслух не успел; Сай продолжил
раньше:

– Теперь я, наверное, не смогу исполнить даже Договор с тобой, парень.

– Какой договор? – не сразу понял Саша.

– Седмица с питанием, – напомнил ему тролль, – осталось еще два десятка раз. Хватит ли
у нас в запасе столько мяса, Зея?

Он повернулся к сестре, и та отрицательно покачала головой:

– Ты знаешь лучше меня, Зай. Три дня – больше оно не пролежит.

– А Равнинные больше не будут охотиться для нас.

– Это критично? – вступил в разговор Александр.

– Сразу не убьет, – покачал головой тролль, – но для клана... Это все (трактирщик мах-
нул рукой, явно показывая не только зал, но и подсобные помещения, три верхних этажа с чер-
даком и, возможно, подвалы) много поколений принадлежит нам. Когда-то жизнь здесь бур-
лила как... как...

– В столице, – негромко подсказала ему сестра.

– Точно, – кивнул ей с благодарностью тролль, – теперь же из всего клана остались лишь
мы вдвоем... втроем. А от города – лишь наш трактир, да развалины, в которых ютятся другой
клан... их.

Он кивнул в сторону угла, где опять собрались гоблины, и продолжил:

– Редкие Охотники и Искатели, что добираются до этих мест, находят в трактире вре-
менное пристанище. А дети старой Гоблы прислуживают здесь – за еду и те немногие крохи
воды, что я могу дать им.

– Ага, – кивнул Александр, обращаясь больше к себе, – значит, главная причина в воде.
Точнее, в ее отсутствии.

– Да, – ответил ему Зай, – источник, что исправно давал тут воду, наверное, еще со времен
Ушедших, истощался из поколения в поколение. И теперь воду для всех нужд приходится
возить от Большой реки. И стоит она здесь вдесятеро дороже, чем мясо крила.

– Которого у нас теперь тоже не будет, – догадался парень.

Троль еще раз кивнул, теперь уже совсем обреченно. А потом, к некоторому изумлению
Саши, он развернул плечи, и глянул на него с непонятной пока для парня надеждой, и еще
с изрядной долей ехидства.

– Скажи мне человек, – воскликнул он мощно, как, очевидно, и привык говорить в этом
зале, – ты поцеловал Зею как... как...

– Как сестру, – быстро подсказалему Александр, – как младшую сестренку.

И тут же удивился – тому странному чувству, что сказал сейчас истинную правду. У него
была старшая сестра, Ксения. Старше его на четыре года, она все детство назойливо опекала
его. А Саша, естественно, от этой опеки всячески пытался увернуться. Но сейчас он заполнился
благодарностью к своей Няньке. И даже смог понять и принять ее чувства к себе, мелкому.
И теперь – убедился и удивился он – что-то подобное он чувствовал к сидящей рядом троллихе.
А к троллю...

Тот поднялся со своего места, огромный и торжественный.

– Поскольку мы с Зеей близнецы, – пророкотал он, глядя прямо в глаза поднявшегося рядом человека, – я, Зай из клана Полуденных троллей, признаю тебя старшим братом, и складываю к твоим ногам ношу Главы клана. Договор?!

– Договор, – машинально прошептал Александр.

Он сейчас не создавал, что говорит, иначе сто... тысячу раз подумал бы, прежде чем выбросить в мир это короткое слово. Его состояние, близкое к истерии, было вызвано единственной мыслью: «Как?! Как, скажите, могут быть близнецами эти два существа?! Два тролля, которых и быть не должно – но вот они тут сидят, готовые актеры на главные роли в фильме «Красавица и чудовище»!

Тут в голову пришел еще один вариант творящегося вокруг таинства – розыгрыш! Телевизионный розыгрыш, когда к обалдевшему обывателю в конце эфира подсказывает толпа хохочущих актеров во главе с «самим» Андреем Малаховым, и на всю страну объявляют...

Саша не успел обдумать то обстоятельство, что на такой суперреалистичный розыгрыш потребовался бы гигантский бюджет, не меньше годового для самого крупного телеканала... Тело заставил содрогнуться разряд на порядок сильнее двух прежних. И внутреннюю суть человека, который прежде не представлял себе, что эту самую суть можно почувствовать, практически потрогать пальцем – если не боишься содрогнуться еще в одной корчи... Так вот, в этой самой сути сейчас проклюнулся росток ответственности за двух троллей, за эти стены вокруг – и четыре этажа над уровнем земли, и непонятно сколько под ней.

– Мое... наше..., – заставила буквально задрожать каждую клеточку тела такая простая и такая великая мысль, – не отдам никому.

Впрочем, эта теплая волна схлынула достаточно быстро. Но Александр был уверен, что какой-то значимый след она внутри него оставила. Почему-то первым вопросом, что он обрушил на троллей, сейчас смирно сидящих рядышком против него, и явно ждущих каких-то распоряжений, был тот самый, первый:

– Какие же вы близнецы?!

– Самые настоящие, – трактирщик чуть оскорбленно вздернул подбородок кверху, – я старше на пять минут, а Зея...

Вообще-то, слово «минута» не прозвучало; так перевел для себя незнакомое слово сам Александр. Потому что, по его представлению, пять часов, а тем более пять суток родовых схваток между двумя близняшками, даже для троллей было чересчур сурово. Тут рядом хихикнула Зея.

– Его потому и называли Заем. Повитуха в день нашего рождения перепила гномьей настойки, и решила, что первой увидела мир девочка. Вот наш отец и назвал его Заей... как меня хотели назвать.

Брат рядом насупился и что-то проворчал; достаточно внятно, но совершенно не понятно для Саши. Впрочем, о смысле этих слов тролличьего языка можно было вполне догадаться. Саша наудачу предположил:

– А что, другое имя дать было нельзя?

Оба тролля воззрились на него с искренним изумлением. Теперь даже без слов любого языка, лишь по этому изумлению, истекавшему из ставших круглыми глаз было понятно – имя дается троллю раз, с первым вздохом, и на всю жизнь. Александр неосторожно ляпнул:

– Так это я не ошибся, назвав тебя Заей?!

– Т-ш-ш! – приложили когтистые пальцы к губам оба тролля, – для всех хозяин трактира Зай, и никак иначе.

Потом они синхронно перевели взгляды в угол гоблинов, убедились, что ничто от их стола туда не долетело, и опять глянули на старшего брата. Троль с великой просьбой хранить тайну, а их общая сестренка с насмешкой и изрядной долей ехидства.

– Понял, – Саша протянул руки вперед, а потом к собственному рту с понятным для всех жестом: «Зашиваю губы, и молчу, как... как... В-общем, молчу!».

– Кстати, – оживился Зай, – насчет гномьей настойки. Неплохо было бы отметить такое событие. Все-таки новый Глава клана...

Зея поглядела на него осуждающе, потом перевела взгляд на Александра, и махнула рукой – неси! Саша понял, что в его новой семье есть некий «регулятор движения»; так сказать, сотрудник ГИБДД местного разлива. И что махни сейчас Зея лапкой, как полосатой палочкой, и никакой гномьей настойки на столе бы не оказалось.

Троль теперь поднялся со скамьи легко и стремительно. От вальяжного трактирщика сейчас осталась разве что массивная фигура. А лицо, показавшееся вскоре из подсобного помещения, скорее подошло бы не хозяину, а клиенту подобного заведения. В руках Зай держал огромный поднос, который отличался от предыдущего, привнесенного в зал Зеей, лишь напитками. Ну, и предметами сервировки был чуть богаче. На стол вслед за блюдом с мясом и вторым, поменьше, с хлебом, троль торжественно водрузил три вилки, столько же непрозрачных емкостей, заменявших тут, скорее всего, двухсотграммовые граненые стаканы, и две бутылки гораздо большего объема. Один был полон прозрачной жидкости, в которой Александр предположил воду. Вторая бутылка была изготовлена из чего-то, напоминающего поделочный камень – чего-то, на взгляд не очень просвещенного в этом вопросе парня, напоминавшего малахит. И вот в этой емкости бултыхнулась явно не вода.

Троль выдернул из нее пробку, и вполне профессионально махнул над горлышком рукой. Созданный искусственно ветерок донес до носа Александра запах обычного... нет, не обычного, а очень качественного коньяка. Почему-то парень был в этом уверен.

– Интересно, сколько же лет выдерживали этот коньяк в дубовой бочке, если рука тролля так медленно, буквально по каплям, цедит его в бокал?

Но задал Александр совсем другой вопрос:

– А что? Здесь и гномы есть?

– Есть, – ответила ему Зея, тоже не отрывавшая взгляда от действия; она тоже словно отсчитывала каждый миллиграмм чудо-напитка, – где-то там. У нас они давно не появлялись.

Зай тем временем оторвал от края первого стакана горлышко бутылки, и перенес его ко второму. А в первый – к искреннему изумлению, а больше возмущению парня – Зея щедро плеснула из второй бутылки. Во второй стакан коньяка, или той субстанции, что его заменяло, плеснулось раза два больше. Но и эта порция была разбавлена водой почти доверху. Саша теперь чуть не взвыл. Даже вознамерился было одарить младшую сестренку первым в жизни подарком – затрепиной. Но коньяк в это время полился уже в стакан, что стоял к нему ближе всего, и его правая рука сама нашла более правильное занятие.

Зай уже готов был отнять горло малахитовой бутылки от третьего стакана; причем коньяка в нем было явно меньше, чем во втором.

– Э, нет! – воскликнул Александр; и добавил фразу, в родном мире являющейся волшебной, – ты что, краев не видишь?!

Лапица тролля не смогла противостоять натиску пальцев – таких мелких, по сравнению с собственными, но очень настойчивых. И в этот стакан коньяк потек щедрой струей. Но не перелился через край, потому что драгоценной жидкости в бутылке было не очень много. До края стакана не хватило примерно с полсантиметра.

– То есть ровно столько, чтобы не расплескать гномью настойку, пока буду говорить тост.

Рука Зеи по-прежнему стискивала горлышко бутылки с водой, и Александр, вставая со скамьи, искренне порадовался, что в его стакан такая ценная жидкость попросту не поместилась бы. Еще он понял, что больше сегодня не нальют, и решил в этот единственный тост втиснуть как можно больше.

– Ну, ребята, – постарался он придать голосу интонации генерала из «Особенностей национальной охоты», – за клан. За всех его членов, за их здоровье и процветание сейчас, и в будущем. Ну, и, естественно, за красоту присутствующих дам! Офицеры пьют стоя!

Вообще-то Саша офицером не был. За год службы в Российской армии, в родном гвардейском Ковровском учебном центре дослужился до младшего сержанта. Но должность главы клана, как он предположил, соответствовала званию никак не меньшему, чем полковничье. И он с полным на то основанием несильно стукнул своим стаканом о два других, так и стоящих на столе, поднес собственный к губам, и медленно, смакуя каждый глоточек, выцедил драгоценный напиток. И даже не закусил – решил, что перебивать драгоценное послевкусие чем-то еще было бы кощунством.

Тролли глядели на него с благоговейным ужасом. И молчали. И гоблины в своем углу молчали; словно поняли, что сейчас в таверне произошло какое-то чудо.

– Чудо? – удивился Саша, прислушиваясь к ощущениям внутри, – какое чудо? Обычный коньяк. Не «Хеннесси», конечно. Намного лучше! Ну и что? О! Вот в голове зашумело, и в груди тепло растекается. Вот теперь можно и закусить.

И он, словно не умял недавно точно такое же блюдо с мясом, в котором последнего уместилось, наверное, не меньше обливного ведра, придвинул к себе поближе это, полное, и вонзил вилку в первый кусок. Правда, прежде, вспомнив о разрыве с кланом Равнинных Троллей, пообещал себе съесть треть порции, и не куском больше.

Только теперь два тролля вышли из ступора, куда сами себя вогнали наблюдением за такими обычными, на взгляд человека, действиями, и медленно выцедили свои коктейли. При этом блаженство, которое явно ожидали ощутить – судя по священнодействию при приготовлении – они явно не испытали. А тролль, усаживаясь на свое место, но не прикасаясь к вилке, отстраненно заметил:

– Эту бутылку с гномьей настойкой первым открыл мой прапрадед.

– Ну, а мы ее закрыли, – достаточно развязно ответил ему Саша, – велика беда. Откроем новую.

– Такая бутылка стоит не меньше сотни золотых, – так же сомнабулически возразил ему брат, – и...

– В розничной торговле практически не появляется, – предположил старший брат.

– Да, – кивнули сразу оба тролля; продолжила Зея, – прапрадеду ему подарил клан Гномов Срединной горы... за оказанную услугу.

– Я так понимаю, от сотни золотых он отказался, – сделал еще одно предположение Саша.

Вообще-то он хотел задать другой вопрос: «А сто золотых – это много?». Однако показывать новым родственникам свою неосведомленность реалиями здешнего мира он пока поостерегся. К тому же по тому придыханию, с каким Зай оценил литровую бутылку настойки, Александр и сам понял, что это много. Очень много. Быть может, больше, чем стоит весь этот трактир вместе с подвалами, гоблинами и... Нет, своим новым родственникам цену он назначать не стал. И закрыл этот вопрос раз и навсегда. Потому что родня – это...

Александр понял, что сейчас он примется развивать эту тему вслух; а с учетом выпитого коньяка, и пива, которое вряд ли поместилось бы в обе бутылки, делать этого он не встал. Тут и отмеренная треть блюда исчезла в его, кажется, бездонном желудке, и он опять встал.

– Кто-то тут говорил о номере с удобствами, – заявил он, обращаясь в пространство перед собой.

Ответил, естественно, Зай.

– Для главы клана любой номер, – заявил он, – я покажу тебе самый лучший!

– Тот самый?! – испуганно пискнула рядом Зея.

– Тот, – кивнул ей, и Александру брат.

Что-то внутри парня колыхнулось. Что-то, пытавшееся остановить и себя, и трактирщика, и засыпать последнего кучей вопросов. Но коньяк в желудке, взявший сейчас командование над телом и разумом человека, велел:

– Веди!

Глава 3. Вербка висельника, она же галстук с пальмой

– Это лучший номер? – Александр с троллем остановился в коридоре второго этажа, перед дверью, ничем не отличавшейся от дюжины соседних, – чем же он лучше других? Этих, и тех.

Саша провел рукой сначала вдоль длинного коридора, а потом ткнул ею вверх, в высокий потолок, над которым, как он подозревал, могли находиться номера классом повыше. Потому что люксовые номера, по его мнению, никак не могли располагаться непосредственно над кухней, и шумным залом ресторана.

– Почти как в песне, – усмехнулся он прямо в широкую спину гоблина, звеневшего ключами.

Тот ответил, не оборачиваясь:

– Здесь есть ВОДА! Немного, но есть. И еще... Говорят, здесь снятся хорошие сны...

– Которые иногда сбываются, – машинально продолжил Александр.

– Откуда ты знаешь?! – на месте, в прыжке повернулся к нему Зай.

Александр даже испугался – не за себя, и не за брата, опять вытаращившего глаза по непонятной пока причине. Он испугался за ключ, который от такого мощного рывка мог сломаться в нутре замка, и оградить парня от очередной загадки. Но нет – в ладонях трактирщика ничего не было, а связка с ключами спокойно покачивалась на двери.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу тролль, – об этом же многим известно. Тем более хозяину сумки.

Он кивнул на имущество старшего брата, и отступил в сторону с непонятным выражением лица. То ли приглашал того в номер, то ли предостерегал от неведомой опасности – Александр не понял. Парень толкнул дверь, и та послушно отворилась; без всякого скрипа, словно ее петли недавно смазали. Хотя никаких петель Саша на ней не заметил; они были как-то хитро спрятаны в косяке. И это было не дерево. Уж последнее человек, окончивший лесной техникум, и даже пару лет владевший собственной пилорамой (а вы как думали!) различил бы даже на ощупь.

Тролль внутрь не зашел. Он прямо из коридора показал две местные достопримечательности.

– Вот та самая кровать, – сообщил он с немалой толикой гордости, и добавил, теперь уже с затаенным страхом, – а сюда лучше не ступать.

Толстый палец, вооруженный крепким и острым когтем, показывал теперь на круг, образованный белой полосой прямо под центральной люстрой комнаты. Точнее, под тем крюком, к которому предположительно когда-то и подвешивалась люстра. Александру почудилось, что крюк зловеще шевельнулся, приглашая его к...

– Почудится же ерунда всякая, – пробормотал он, поворачиваясь к троллю.

На бесхитростном лице того сейчас царил одно желание – побыстрее оказаться за своей стойкой.

Александр его ожидание оправдал:

– Иди, – кивнул он, – а я немного отдохну.

И затворил дверь, едва не хлопнув тролля по носу. Впрочем, кажется, куда-то Заю все же влетело. Скорее всего, по внушительному животу, судя по тому, как спружинила дверь, прежде чем закрыться, и щелкнуть невидимым замком.

– И как я теперь отсюда выйду? – задал он себе законный вопрос.

На двери не было ни ручки, и ничего, напоминавшего отверстие, куда нужно было вставлять ключ. Да и сам ключ, вместе со связкой, остался по ту сторону дверного полотна.

– Ну, и ладно, – успокоил себя Александр, – что-нибудь придумаю. Ну, или Зай к ужину позовет, откроет. А пока... это – я так понимаю – и есть удобства.

У другой двери внутри номера ручка была; а вот замка тоже не было. Он, как понял Саша, тут не был предусмотрен. А вообще в номере кроме кровати, застеленной серым покрывалом, двери и окна, не занавешенному даже подобию занавески, ничего не было. Крюк парень к предметам мебелировки относить не стал. К окну, откуда в номер щедро светило невидное отсюда солнце, он прежде всего и подошел. Второй этаж номера не позволял рассмотреть много. Это немногое представляло собой какие-то развалины, не отмеченные интенсивной жизнью. О последней напоминали разве что тропки в пыли, которые Александр не сразу разглядел. Прежде всего потому, что располагались они в той стороне улочек, которые прикрывала тень. Больше ничего интересного Саша, как не пытался, разглядеть не смог. Тогда он повернулся к двери. Ручка на ней выглядела совершенно обычно – как дома, на такой же межкомнатной двери. И повернул ее книзу Александр машинально – словно входил в собственную ванную. Туда он и попал; остановился на пороге, и протянул:

– М-да-а-а..., это кто же тут порезвился?

Ванная комната от его собственной, что осталась на девятом этаже панельки, отличалась размерами и былым великолепием. Размерами она была раза в четыре больше, а наполнением... Ванна – огромная, больше напоминавшая мраморный бассейн, была в наличии. Но вот из того, что и делает такую ванну шедевром банного искусства, не было ничего. Ни краников; ни смесителя на гибком шланге, или стойке, ни... Ничего, кроме дыры в потолке, и единственной кнопки, вделанной в стенку грубо, без всякого соблюдения соразмерности. В том смысле, что в то же отверстие, откуда торчала эта кнопка, можно было засунуть еще пару пальцев.

Ничего и никуда Саша засовывать не стал. Он подошел ко второму, последнему здесь предмету. Располагался этот огромный горшок с крышкой там, где строители отеля когда-то разместили унитаз. По крайней мере следы, что остались на материале, заменившем плитку стен и пола, говорили об этом. Ну, и отверстия, откуда вливалась вода, и выливалось то, что она должна была нести, тоже примерно соответствовали санитарным нормам родного для парня мира. Отсутствие столь необходимой вещи Александр объяснил себе мгновенно.

– Вода! Без воды унитаз это... нечто! Тюрьма для дерьма. Без права помилования. А значит...

Он решительно сорвал крышку с горшка, который явно был ночным, задержал дыхание, и... и ничего. Атмосфера в ванной комнате если и поменялась, то Саша этого не уловил. Из горшка ничем не пахло. Совсем ничем! Что, учитывая жесточайший дефицит воды, вызывало уважение. Он уже примерился было использовать горшок по назначению, что было не удивительным, учитывая недавний невообразимый бизнес-ланч, и добавку к нему, но что-то вовремя его остановило. Что-то появившееся в нем недавно, в этом мире. Проще всего эту родившуюся способность сам Александр назвал бы умением выстраивать логические цепочки. Здесь цепочка была одна, и очень короткая. Саша выстроил ее так: «Горшок – отсутствие туалетной бумаги, или чего-то, заменяющего ее – ограниченное количество воды – одежда на мне. Кстати, очень запыленная». Действия Главы клана троллей, вызванные осознанием этой цепочки, были тоже просчитаны до секунды.

Александр вернулся в комнату, разделся догола. За отсутствием вешалки и стула со спинкой, куда все это можно было повесить, пришлось использовать спинку кровати. На ней достаточно аккуратно разместилось все, кроме брюк и туфель, которые парень осторожно, но тщательно вытряхнул в ванной – прямо над сливным отверстием. Пробка-затычка с цепочкой, кстати, тоже отсутствовала. Брюки оказались на дужке, что представляла собой спинку кровати, а туфли под ней. Сам же Александр нагнулся, чтобы поднять с пола последний артефакт из родного мира, о котором он совершенно забыл, и который сейчас выскользнул с негромким звоном из кармана брюк. Это была связка ключей от квартиры и машины, на которой вместе

с автомобильным брелком болталась еще и флешка. Как понял новоиспеченный Глава клана троллей, никакой ценности в новом мире эти предметы не представляли. Потому он и закинул связку небрежно в приоткрытую сумку. Сейчас она занимала законное Сашино место на кровати. И из нее, показалось Александру, раздался возмущенный то ли писк, то ли визг. Саша почему-то опять вспомнил Малыша, алабая – такого, каким он был в первый день появления в родительском доме. Смешной месячный щенок с обрубленными ушами и хвостом вот так же пищал, пытаясь найти свое место в новом для себя месте. Точно так же, как и сам Александр здесь.

И парень, окинув сумку неожиданно ласковым взглядом, проворчал:

– Ладно, Малыш, можешь полежать пока на моей кровати... пока я здесь все свои дела не сделаю.

И он шагнул в ванную, чтобы совсем скоро убедиться, что логическую цепочку он выставил правильно. Чуть теплая вода, лениво падающая из отверстия в потолке, действительно закончилась, как только последние грязные струйки исчезли в сливном отверстии. А Александр, обведя взглядом голые стены, еще раз убедился, что вытереться тут абсолютно нечем. Но огорчился не очень сильно. Точнее, совсем не огорчился, вспомнив про четкий квадрат солнечного цвета, что солнце «нарисовало» на полу у окна. Туда он и отправился; принимать теперь уже солнечную ванну.

Что удивительно, никакого жара здесь Саша не ощутил. Несмотря на полное отсутствие кондиционеров и вентилятора (тут его ленивая мысль заставила повернуть голову, и посмотреть на зловещий крюк) в номере было не жарко. Он снова повернулся к окну, заметив там, внизу, какое-то движение. Это был самый обычный гoblin, который неторопливо брел в тени короткой улочки. Вот он остановился, поднял что-то с пыли, и, подув, сунул это «что-то» в рот. Александр до того увлекся разглядыванием картинки, и определением того, что же местный житель посчитал съедобным, что совершенно не отреагировал на шевеление за спиной.

Дверь, ведущая в эту комнату из коридора, была действительно абсолютно бесшумной, но вот кто-то зашуршал одежной, и даже, кажется, что-то бессвязно проворчал от нее. Парень медленно повернулся и застыл при виде фигуры – странной и нелепой, даже с учетом тех, кого он сегодня уже видел.

Существо, стоящее перед дверью, было облачено в какую-то хламиду пыльно-серого цвета до пола, и нечто невообразимое на голове, скрывавшее эту самую голову. Ростом оно было... даже чуть ниже Гобла с Доблом, так что смутно знакомая корчага в его руках скрывала эту фигуру от оценивающего взгляда Александра наполовину.

– Ты кто? – хриплым голосом спросил он, отступая на всякий случай к окну.

Существо откинула головной убор, оказавшийся капюшоном, на спину, и оказалось гоблином. Точнее (поправил себя парень) гоблиншей неведомо какого возраста. Скорее всего, весьма почтенного, судя по морщинам, избороздившим ее лицо, и носу, который давно уже стремился к подбородку, и совсем скоро собирался его достичь.

– А что, у гоблинов носы растут до самой смерти? – задал Александр вопрос собственному воображению.

Но ответить не успел – первой ответила гоблинша.

– Я Бобла.

– А я думал, Гобла, – неудачно попытался пошутить парень.

Неудачно, потому что гоблинша ответила вполне серьезно:

– Нет, Гобла по номерам не ходит, – потом, подумав, добавила, – шаманкам по комнатам ходить нельзя.

– Итого мы имеем четыре гоблинских имени, – начал строить новую логическую цепочку Александр, – какие еще есть варианты?

И задал этот же вопрос гостье:

– У вас что, других имен нет?

– Почему нет? – Бобла начала ответ скрипучив голосом, а Саша представил, что она пожала плечами под балахоном; эта картинка ему совсем не понравилась, – есть и другие – Габла, Дабла, Шобла, Ёбла...

– Стоп!

Александр остановил старушку не потому, что испугался – вдруг она изречет сейчас вовсе уж непотребное; нет, последнее имя заставило его вдруг осознать, что он стоит совершенно голым напротив существа противоположного пола. Как бы причудливо она не выглядела. Издав какой-то совершенно непонятный звук, он метнулся к кровати, к дальней ее спинке, где и висела его одежда. Прежде всего трусы-боксеры, к которым он и протянул свои руки.

Прыжок получился отличным, точным, и единственным. Только вот вышел он каким-то рваным, неоднородным что ли. На середине прыжка, прямо посреди комнаты, под крюком и, соответственно, в пределах обведенного линией белого цвета круга, время словно замедлилось, а тело все облепило незримой паутиной, сил у которой, наверное, было не меньше, чем у представителя славного клана Равнинных Троллей, который совсем недавно так нежно прижимал Сашу к своей груди. А еще эта паутина была разумной, или псевдоразумной. По крайней мере, она точно имела какие-то мысли, которые и принялась буквально вминать в черепную коробку парня. Александр рванулся, мысленно сдирая с себя незримый паутинный шелк, и, к огромному облегчению, перешел к третьей стадии прыжка. Который в фазе реального пространства и времени закончился как раз у нужной спинки.

Пятки еще не стукнулись о пол, а руки уже схватили с кровати трусы, и тряхнули их так, чтобы проще было одним движением запрыгнуть в них. Что парень и сделал. Гоблинша его длинный прыжок и ловкое облачение в одежду (Александр решил ограничиться трусами) никак не прокомментировала. Только повторила его прыжок; взглядом естественно. Надолго остановившись в своем неторопливом виртуальном путешествии там, где Саша неизвестно сколько времени барахтался в липкой паутине, сотканной неведомым пауком. А потом снова перевела взгляд на парня, и буркнула что-то вроде: «Однако!».

Александру ее изумление, или восхищение было как-то по барабану. Он, чтобы поскорее стряхнуть с себя дрожь и выгнать жуткий холод изнутри, спросил ее совсем о другом, никак не относящимся ни к прыжку, ни к крюку, ни к кругу под ним:

– А что это ты так нежно прижимаешь к себе?

– Это?

Гоблинша протянула в его сторону сосуд – точь в точь такой, что стоял в ванной комнате. И даже сняла с него крышку. Наверное, чтобы постоялец убедился, что новая ночная ваза девственно чиста.

– Ага, – начал выстраивать новую логическую цепочку Александр, – что-то такое Зай про службу гоблинскую упоминал. Будем считать, что сейчас здесь санитарный час. И бабушка пришла убираться.

Он даже фыркнул, представив себе, как такая вот «бабушка» приходит убираться в туалет торгового центра, или кинотеатра. И как разбегаются по своим местам в темном зале зрители такого фильма ужасов. Сам Александр к страхолюдному виду уборщицы как-то притерпелся. А вот другая мысль, пришедшая на смену кинотеатру, что остался где-то там, в невообразимо далеком прошлом, ему очень не понравилась.

– А скажи-ка, бабушка, – начал он вкрадчиво, – а как ты узнала, что уже можно... э-э-э... нужно прийти; поменять этот... предмет.

Он кивнул на открытую вазу в руках Боблы.

– Узнала, – буркнула гоблинша, и при этом так красноречиво пошевелила носом, который размером достигал среднего баклажана, что потрясенный парень без всяких слов понял причину такого скорого сервиса.

Носом! Старая Бобла почуяла своим нюхом все, что он успел сотворить в ванной. Поэтому Александр лишь потрясенно наблюдал, как старушка шмыгнула в ванную комнату, и практически сразу же вернулась обратно, все так же прижимая посудину к животу. Только теперь, был уверен Саша, совсем другую. Ту, в которой чистотой и свежестью не пахло. А...

Тут он спохватился. Из единственной своей поездки на заграничный курорт, в Египет, он вынес, что такая услуга, пусть и оплаченная, требует дополнительного поощрения. Местной валюты у него не было. Зато были отвергнутые Заем бумажные рубли. Поскольку Александр так и стоял рядом с кроватью, и своей одеждой, аккуратно разложенной на ее спинке, то достать одну купюру из кармана пиджака было делом одного мгновения. Так что Бобла не успела пройти и половины расстояния до двери, а постоялец уже тянул к ней купюру.

– Сто рублей не деньги, особенно здесь, – успокоил он жабу внутри себя.

А гоблинша застыла, словно не решаясь выхватить непонятную для нее бумажку. Наконец она медленно протянула руку, и вытянула сторублевку двумя пальцами, скрюченными старостью, а может, и самой природой. Ту сторону, что украшала собой квадрига лошадей широко известного, но только не Александру, скульптора, она оглядела практически безразличным взглядом. А вот когда она перевернула купюру...

На обратной стороне сторублевки был изображен Большой театр. Так, по крайней мере, считал Саша. А вот Гобла посчитала совсем иначе. Она вдруг рухнула на колени, отставив ночную вазу в сторону так резко, что Александр уже готов был сделать еще один прыжок, не менее мощный, чем первый. По одной, вполне объяснимой причине – чтобы рухнувший набор горшков не облил его своим содержимым. Но нет. Уборщица свое дело знала туго. Вазу она утвердила на полу надежно. А потом сама принялась биться лбом о пол так истово, что крышка на горшке принялась громко постукивать.

Наконец старушка замерла, не вставая с колен, а потом подняла к Александру совершенно счастливое, даже помолодевшее лицо. И нос ее, кажется, уже не свисал, а задорно торчал вперед – туда, куда гоблинша послала ликующий клич:

– Свершилось! Мы обрели, наконец, Видение Главного храма гоблинов!

Александр едва удержал себя от хохота, уже готового вырваться сквозь крепко стиснутые зубы. Это он себе представил лицо художественного руководителя театра (предполагаемого, конечно – среди знакомых парня такие персоны не числились) – в то мгновение, когда последнему объяснят, чем на самом деле является возглавляемое им учреждение культуры. Однако, сдержался. Даже покивал глубокомысленно головой, и торжественно заявил:

– Поздравляю!

Гоблинша на его слова не обратила никакого внимания. Она лихо, совсем по молодому, вскочила на ноги, не глядя подхватила одной рукой сосуд, который прежде едва обхватывала двумя руками, и им же толкнула дверь, которая, оказывается, распахивалась в обе стороны.

Дверь опять глухо стукнула, и только тут Александр очнулся.

– Вот так все просто? – протянул он, перемещаясь к двери так же быстро, как прежде от окна к кровати.

Саша толкнул створку, и та послушно открылась, представляя изумленному взору парня пустой коридор. Выглянув за дверь, и убедившись, что связка с ключами в ней не торчит, он вернулся обратно в комнату, и замер там в нерешительности.

– Все страньше и страньше, – процитировал он снова что-то из детства, – и что теперь делать?

Делать было решительно нечего. Спать пока не хотелось; кушать... вроде недавно плотно поел, хотя – что странно – еще что-нибудь закинуть в желудок не отказался бы. Оставалось одно – все таки завалиться на кровать и погонять каких-нибудь танчиков в айфоне.

– Пока зарядка не кончится, – подумал он, открывая сумку.

Увы, ни телефона, ни связки с ключами, ни ножика, который он предусмотрительно вернул на место, в ней не было. В единственном отделении сиротливо лежал галстук. Тот самый, с пальмой. Александр медленно вытянул его на волю, тупо поглазел на вышитую все тем же бисером пальму, и совершенно машинально принялся повязывать галстук на шее. Он не придал никакого значения тому факту, что стоит у кровати по-прежнему в одних трусах, и галстук сейчас повязывает не на ворот рубашки, а на голое тело.

Такое непростое для многих умение было подвластно ему. Научился еще в техникуме. Вот и теперь ему хватило всего несколько мгновений, чтобы резко дернуть за тонкий конец, и поправить узел.

– Зеркала нет, – так же машинально подумал он, и едва не отпрыгнул назад.

Потому что прямо напротив, на стене появилось зеркало. В котором он вполне отчетливо видел и самого себя, и противоположную стену, не украшенную ничем, и галстук на шее, который вдруг стал медленно истаивать. Александр не смог дожидаться окончания такого увлекательного действия. Ноги предательски задрожали в коленках, и он непроизвольно опустился на стул, что стоял за спиной. Нет, не на стул, а в любимое офисное кресло на колесиках. То самое, в котором он просиживал вечера перед компьютером. Кресло поехало назад, чуть повизгивая роликами, и наконец ткнулось спинкой в дальнюю стену. И все это Александр видел в зеркале; включая свое замершее от какого-то предчувствия лицо. Последней мыслью, что посетила его голову, было: «Откуда тут взялось кресло?!».

А потом свет в его глазах медленно померк.

Глава 4. Шеф и Малышка

Александр отрыл глаза. Закрыл. Снова открыл. Картинка не поменялась. По-прежнему над кроватью висело зеркало, а спинка удобного, такого родного кресла упиралась в стену. И парень видел это кресло, и себя самого в том зеркале. Больше того, он был уверен; он знал, что эти два предмета, явившиеся словно ниоткуда, были связаны между собой. Больше того – они есть две части одного феномена. Откуда взялась такая уверенность, Саша не смог бы объяснить даже себе самому. Но вот она была, и все. Причем, это чудо определенно подчинялось каким-то законам. Таким, как закон сохранения энергии, ну, или известный закон, пришедший в голову Ньютона вместе с яблоком, упавшим с дерева.

– Хотя, – почесал коротко стриженный затылок Александр, – говорят, никакой яблони не было. Да и здесь, кстати, яблок я не вижу. И спросить не у кого. Так что пойдем другим путем. Уже опробованным. Попробуем выстроить логическую цепочку. Тут появилось два предмета – зеркало и кресло. А исчезли... исчезла сумка. Вместе со всем своим (то есть уже моим) содержимым. Какой вывод? Как это не парадоксально, но зеркало с креслом – это и есть сумка. Я прав?

– Прав, – буркнули одновременно зеркало с креслом.

Светлый прямоугольник над кроватью при этом пошел рябью, отчего изображение Александра, восседавшего на кресле в одних трусах, практически исчезло. А кресло вздулось упругим пузырем и выдало ответ прямо в эти трусы. Ну, и в то, что они так поспешно скрыли от Боблы. Саша едва не ответил креслу – тем самым местом. Но вместо этого подпрыгнул, и заорал; ртом, естественно:

– Прекратить немедленно!

Кресло с зеркалом прекратили. Весьма своеобразно – превратившись в сумку, которая по-прежнему лежала на кровати. Самого процесса трансформации Александр, несмотря на все чудеса ловкости и быстроты, которые демонстрировал сегодня, так и не заметил. Хотя попробовал провести этот процесс несколько раз. Сумка послушно показывала фокус.

– А что-то другое можешь? – спросил он, остановившись на той фазе, где наличествовало кресло; и тут же добавил, – отвечает только зеркало.

– Могу, – послушно ответило зеркало, – только это не я, господин.

– А кто?

– Ты, господин. В твоей власти указать сумке тот вид, который будет улаживать твой взор.

– Давай-ка без этих восточных словоизлияний, – чуть поморщился Александр, – к тому же у нас дома всех господ еще в семнадцатом году... Хотя, конечно, сто лет прошло, да и господ опять хватает... Но ты меня так не зови. Не нравится мне это. Называй меня... шефом. Понятно?

– Понятно, Шеф.

– Молодец! А как тебя зовут?

– Кого – меня, или сумку?

– Ага, вас уже двое.

– Двое, шеф. То есть сумка она и есть сумка. И зовут ее по разному. В последнее время ее называли...

– Знаю – «Сумка висельника». Это мне тоже не нравится. Пусть будет просто сумкой. Теперь с тобой. Как тебя называли прежде?

– Никак, шеф. Я просто слуга.

– Сумки?

– Нет, – слуга никак не проявил нетерпения такой бестолковостью своего нового господина, – твоя.

– Тогда, я думаю, никто не будет против, если я дам тебе имя. Ты не против?

– Нет, Шеф.

– Думаю, сумка тоже возражать не будет, – хохотнул новоявленный шеф, – назову-ка я тебя... Назову...

Он вдруг вспомнил опять щенка-алабая, тот радостный визг, который почудился ему недавно из сумки, и закончил.

– Называю тебя Малышом. Нравится?

– Нравится, шеф.

Однако особой радости в звуках, что издавало зеркало, Саша не почувствовал. И объяснение этому буквально висело в воздухе; прямо перед носом Александра.

– Так, – протянул он, – включаем опять цепочку. Точнее, отматываем ее назад. Ага – вот! ТВОЯ слуга! Так ты у нас девушка, или женщина, или девочка? Значит, будешь Малышкой. Так нравится?

Теперь в голосе невидимой Малышки энтузиазма было гораздо больше.

– А кстати, – сколько тебе лет?

– По исчислению мира, в котором мы находимся, Шеф – четыре тысячи пятьсот двадцать, – бесстрастно ответила Малышка.

– Ни фиги себе, – чуть не свистнул Александр, – а в земных годах это сколько будет?

– Это исчисление мне не известно, Шеф – таким же ровным голосом ответило существо, обитающее в сумке, – среди миров, о которых я знала, прежде, чем попасть в этот ограниченный мир, название «земной», «Земля», было больше четырехсот. Какой из этих миров тебя интересует?

– Ну тот, который с луной, вокруг солнца вертится.

– Подобных совпадений почти двести, Шеф.

– Да, задачка, – протянул шеф, – и чувствуется, что логическая цепочка коротковата. Оборвана, в общем, и второго конца не видно.

Малышка дисциплинированно ждала продолжения. И дождалась – практически сразу же.

– Хорошо, об этом позже, – заявил ей шеф, – давай теперь про сумку.

– Давай, Шеф.

– Что она может?

– Все, что прикажешь, Шеф, – ответила слуга; потом добавила, – в пределах встроенных в нее плетений.

– То есть не все, – чуть огорчился Александр, – а кто, кстати, построил эти самые плетения?

– Мой первый господин, Шеф.

– И где он теперь?

– Ушел, Шеф.

– Может, он тебе сказал тебе куда, когда уходил?

– Не сказал, Шеф, – Малышка помолчала, а потом негромко и медленно, словно не была уверена в том, что совершает сейчас правильный поступок, добавила, – но я знаю, куда он ушел, Шеф.

– Замечательно! – поощрил ее интонацией Александр, – и куда?

– На другой план, Шеф.

– Спасибо, очень информативно, – Саша даже чуть поклонился в своем кресле, – давай про сумку дальше.

Тут его взгляд остановился на собственной одежде, и вопрос родился сам собой:

– Одежду для меня, такую, чтобы подходила для этого мира, сообразить сумеете?

– Одежда в сумке уже есть, Шеф.

– Прямо на меня, и прямо такая, какая нужна?!

- Хозяину сумки она подойдет, Шеф.
- Что-то не видел я там никаких штанов с куртками, – проворчал под нос Саша; Малышка его услышала.
- Она скрыта в кармане, Шеф.
- Каком кармане?
- Мой второй господин называл его пространственным.
- О, что—то я об этих пространственных карманах слышал. Или читал, – даже обрадовался Александр, – безразмерные, так? И сколько их там? погоди, сначала о хозяевах. Сколько, говоришь, их было всего?
- Я не говорила об этом, Шеф, – мягко поправила его Малышка, – а было их всего четверо. Ты пятый.
- И куда делись второй, третий и четвертый?
- Ушли, Шеф.
- Это я уже догадался. Они тоже не сказали тебе, куда?
- Не сказали, Шеф.
- Но ты знаешь?
- Знаю, Шеф.
- И куда же?
- Второй, Гипнос, ушел совсем, Шеф.
- Ага, – догадался Александр, – умер.
- Да, Шеф.
- Или убили?
- Ты очень догадливый, Шеф.
- Да что ты все шеф, да шеф. Ты еще заяви: «Шеф! Все пропало! Клиенту снимают гипс!».
- Шеф! Все пропало! Клиенту снимают гипс! – послушно повторило зеркало, повторяя интонации Александра.
- Тьфу ты, – чуть не сплюнул тот, – можешь, ты хотя бы через фразу будешь ко мне так обращаться?
- Могу.
- Тогда так. Не через две, а через пять фраз, понятно?
- Понятно.
- Саша понял, что Малышка начала отсчет, и усмехнулся. Потом продолжил терзать ее вопросами о сумке:
  - С одеждой разберемся. Примерим попозже. Оружие там есть?
  - Есть, ш... Есть. Ты его уже видел.
  - Этот тот ножик, что ли, – разочарованно протянул шеф, – да им же даже цыпленка не зарежешь. Или... (он вдруг догадался; ну, или выстроил новую логическую цепочку) этот ножик не простой? Тоже трансформер? Во что он может предрасщаться? Хочу автомат Калашникова!
- Вообще-то можно было попросить, или пожелать что-то более убойное, но знаменитый АКМ был единственный из огнестрелов, из которого Александр стрелял в своей жизни. Целых два раза, в армии. Увы, тут, как говорится, ему обломилось.
  - Не знаю, что такое автомат уважаемого господина Калашникова, – без всяких эмоций сообщила Малышка, – но этот ножик может принять вид любого оружия... клинкового.
  - То есть, – разочарованно вздохнул Саша, – всякие там шпаги, рапира и эти...
- Он так и не вспомнил, как в книжках называли огромный двуручный меч. Представить его себе тоже не пожелал. Тем более, что достать его пока было тоже проблематично.

Александр пожелал очередной трансформации сумки. Теперь она была в первоначальном виде, на коленях у Александра, но часть по прежнему была представлена в виде кресла.

– Ну, что тут у нас, – открыл он артефакт.

Увы, кроме какой-то круглой штуковины в виде обруча диаметром сантиметров двадцать, или чуть больше, в единственном отделении ничего не было.

– А где мой айфон, – с зарождающимся гневом в голосе спросил Александр, – и ключи с флешкой? И что это за хреновина?

Он поднял голову, обращаясь по привычке к тому месту, где совсем недавно висело говорящее зеркало. Ответила ему Малышка; из приоткрытой сумки. О пропавшем имуществе распространяться не стала; видимо, решила, что новый шеф достаточно догадливый – сам поймет, что перечисленные артефакты покоятся в соответствующих пространственных карманах. И достать их оттуда получится, лишь только после того, как он наденет на голову ту штуковину, что покоилась в сумке.

– Так? – спросил он у Малышки в смутной надежде, что та сумеет воспринять его не высказанную в слух мысль.

– Истинно так, шеф, – подтвердила слуга уже пятого в своей жизни господина.

– Ага, – подумал он, опять про себя, – это что, была пятая по счету фраза?

Рука его тем временем, не дожидаясь ответа, тянула из сумки обод. И потащила дальше, к голове. Но водрузить артефакт на макушку не успела.

– Шеф! – заверещала вдруг Малышка, игнорируя очередность.

– Что?! – аж подскочил Саша, – опасность?!

– Не совсем, – гораздо более спокойно заявила «сумка», – лучше бы тебе лечь на кровать.

– Что, будет так опасно... или больно?

– Не должно, Шеф, но... лучше лечь.

– Ишь ты, – удивился такой заботливости бездушного существа Александр, – или у тебя есть все таки душа?

Вслух же он спросил:

– Ты о господах от первого до четвертого номера тоже так беспокоилась?

Малышка ответила после долгой паузы. Александр успел даже добраться до кровати, и там остановился. Под светом так и не дошедшего до края окна солнца он принялся разглядывать обод. Материал артефакта сильно напоминал тот самый камень, из которого была изготовлена бутылка с гномьей настойкой. Лишь множество золотых точек, или звездочек мерцали по всей поверхности. Они исчезали и появлялись в новых местах. Но их количество – знал почему-то шеф – было неизменным. В какую-то логическую цепочку включить этот факт он не успел. Малышка тихо ответила:

– Нет...

Саша удовлетворенно кивнул, и откинул край покрывала. Под ним оказалась подушка без наволочки, и местный матрас; естественно без простыни. Парень этому обстоятельству совершенно не удивился. Даже решил, что одним из логических построений будет замена спальных принадлежностей для очередного постояльца полностью – матраса с подушкой.

– Зато наволочку с пододеяльником надевать не надо, – усмехнулся он, – если тут знают, что это такое. А мы поступим так!

Он накинул уголок покрывала на место, лег на кровать и поерзал немного, устраиваясь поудобнее. Так действительно было лучше, чем в кресле, каким бы привычным оно не было. Потом сел, стараясь не сдвинуться с занятого места, и медленно опустил обод на голову.

– Черт, царапается, – ругнулся он, отметив, что никаких заусениц и скрытых игл в артефакте вроде бы не было.

Та легкая боль, что уколола его прямо посреди лба, вдруг набухла, заняла всю вселенную, и отключила сознание Александра – через миг после того, как он сам начал откидываться назад...

Лежать на подушке было очень уютно. Даже не хотелось открывать глаза. А открыв – хотелось их закрыть, и не открывать больше никогда. Потому что Главе клана троллей вдруг представилось, что он стал гоблином. Только у этих ребят (и девчат тоже) кожа и на руках, и на лицах, и в иных местах нескладных тел была зеленой. Как и у Александра сейчас. По крайней мере ладони, которые он поднес к глазам, точно имели интенсивно-зеленую окраску.

– Трындец, – заявил он себе, – интересно, еще одна веревка в сумке есть?

С этими словами он резко сел на кровати, возвращая миру и собственным ладоням естественную окраску. Казалось, ничто вокруг не изменилось. Только вот со спины, оттуда, откуда он только что встал, тянуло таким приятным теплом. Александр резко вскочил с кровати, и устоялся на большой прозрачный шар зеленого цвета, в котором он и находился верхней частью своего тела, и который так напугал парня. Вернее, это было полушарие; вторая часть шара очевидно терялась в покрывале, подушке, матрасе...

Он нагнулся, и с понятным удовлетворением отметил, что эта короткая цепочка его не подвела; самый краешек шара светил ровным зеленым светом под кроватью. Это почему-то взбодрило Александра – так, словно он съел еще одно блюдо с мясом. Он даже огладил этот шар, как хорошего друга; погладил по поверхности волн, из которых шар и состоял. Каким-то особым зрением шеф отмечал, что эти волны густыми прядями поднимаются из самой сердцевины шара, которая находилась где-то в районе подушки, и возвращаются назад, не в силах покинуть родное гнездо.

Александр повернулся. Сумка лежала на кресле, и светила ровным голубым цветом. Как и кресло, кстати. Вообще-то в комнате много что выглядело чуть иначе. Больше всего Сашу поразили стены. Они были все испещрены какими-то закорючками, горевшими ярко-красным пламенем. И видел их Александр не только на гладкой ровной поверхности, но и в толще стен. Такие же, но чуть менее интенсивные значки расплзлись по огромному стеклу, которое и представляло собой окно. На то, что в этом окне размером где-то полтора на два метра не было оконных переплетов, он обратил внимание сразу же, как вошел в комнату. Но и тогда, и сейчас, не сомневался, что такую хрупкую на вид прозрачную ограду не разбить даже кувалдой. Но теперь он знал почему. Нет, не так – он знал, что прочность и стен, и материала, который заменял тут стекло, была связана именно с этими закорючками. Которые словно живые бродили внутри каменной тверди.

В голове вдруг тревожно забили невидимые молоточки. Ну, или забегали те самые барашки из стада, что прежде стройными рядами ждали команд пастуха. Они словно кричали ему, Александру: «Хозяин, опасность!».

– Где? – резко повернулся шеф, – здесь?!

Он уперся взглядом в крюк, по прежнему висевшему на потолке, и провел ровную линию до пола. Вернее, линия там уже была – тонкая, черная, дрожащая от внутреннего напряжения, и испускавшая вокруг себя волны злобы, страданий и отчаяния. Именно так – злобы того, кто сейчас, быть может, наблюдал за ним, и страданий с отчаянием существ, что наполняли эту злобу невероятной силой. Александру хотелось рвануть отсюда, от этого черного троса толщиной миллиметров в пять, подальше. Желательно из трактира, и города. Но он пересилил себя; представил, как показывает фигу существу, пытавшемуся донести до него ауру всемирного ужаса.

И действительно показал, даже две; и шагнул вперед, постоял рядом, не заходя в круг, который почему-то теперь был ограничен окружностью черного цвета. Даже поднял руку, но задержал ее, когда от сумки послышалось деликатное покашливание.

– Малышка, быстро ко мне! – скомандовал он; почувствовав рядом дуновение свежего ветра, он спросил, не поворачиваясь, – ты видишь это?

– Нет! – страхе ответила та, прижавшись плечом к шефу, – чувствую зло, идущее от этого места, но не вижу.

– Ну, как же! Вот же она, – воскликнул Александр, – смотри!

Трогать руками этот тросик вселенского зла он не решился. И тут же позавидовал Заю, и другим троллям, имевшим на пальцах такие замечательные длинные когти. Подняв указательный палец правой руки к глазам, он помечтал:

– Вот бы и мне такой. Хоть один.

И совсем не удивился, когда обнаружил на месте коротко обрезанного ногтя длинный, прозрачный, но вполне реальный коготь.

– Будем считать тебя моим воплощенным желанием, – усмехнулся он.

Коготь медленно приблизился к черной нити, а потом коротким дерганным движением зацепил ее, словно гитарную струну. Трос действительно загудел; басовито и угрожающе. При чем звук шел сверху, из неимоверной дали. Александр поднял голову кверху, и отметил, как на потолке проявилась, и замерла на несколько мгновения чья-то физиономия. Властная, злобная, не ставящая ни во что никого и ничего вокруг. В нем отчетливо читалось единственное желание занятого своим великим делом существа – запомнить букашку, отвлекшую его, единственного и неповторимого, от сущего. Запомнить и покарать – когда не будет других, более значимых дел.

Рядом кто-то истерически закричал:

– Это он! Это он, Аблиз! Ты вызвал его, несчастный!

Отвлекившись на мгновение от лика на потолке, Александр отметил лишь смазанную тень, метнувшуюся в угол комнаты. Когда же его взгляд вернулся к лику, потолок был девственно чист. Не считая, конечно, крюка, который по прежнему пронзал черный трос. И вел последний, как понял Саша, в даль, которому нет названия. А начинался... Он опустил взгляд вниз, к самому центру проклятого круга, и понял, что начинается этот поток магической энергии, спрессованной так, что ее не возьмет никакая сталь, где-то рядом; на одном из подземных уровней.

И только теперь Александр понял, что кто-то только что стоял рядом и надежно подпирал его своим плечом – до тех пор, пока сверху на них не глянул тот самый Аблиз. Медленный поворот головы остановил взгляд в углу, где жалась к стене девушка, совсем еще девчонка.

– Лет пятнадцать-шестнадцать, – оценил он, – хотя фигурка уже очень даже ничего. Да и личико тоже...

Только что-то беспокоило Сашу в этом лице; да и в целом в фигуре. Они были какими-то смазанными. Взгляд словно терял их. Девушка будто исчезала, истаявала из этого мира, и снова возвращалась сюда. Тяжелыми, словно вгоняющими в пол гвозди, шагами Александр направился в этот угол. Девушка сжалась в комок еще плотнее. Теперь мерцание стало не таким заметным – словно тело незнакомки действительно уплотнилось. Увы – это утверждение, точнее начало новой логической цепочки, разорвалось сразу после первого звена. Никакой плотностью тут и не пахло. Потому что склонившийся над девушкой парень попытался обнять ее за плечи, и поставить на ноги, но... Руки свободно прошли сквозь фигуру, заставив ее лишь чуть подражать вместе с воздухом.

– Ты кто?! – воскликнул пораженный парень, успевший поводить руками внутри девичьего тела, и не отметивший никакого сопротивления, – что ты тут делаешь?

Он тут же отступил подальше от угла, словно приглашая незнакомку успокоиться и подняться. И та словно поняла его, действительно вскочила на стройные ножки, и сделала несколько шагов вперед. На ножках, кстати, очень органично и достаточно кокетливо смотрелись и кожаные штанишки, и сапожки на среднем каблуке, и... Взгляд остановился на груди;

поднялся выше, к лицу, отмеченному какой-то дикой красотой. Потом скользнул еще выше, и там замер – сразу на двух рожках, горевших внутренним огнем много ярче, чем все остальное тело. Да, изнутри этого призрака рвался наружу темный цвет. Но эта темнота, понял Александр, не имела ничего общего с той, что сочилась из черного жгута, пронзавшего комнату. Она была сродни той темноте, что дарила добрые сны и целебный отдых.

Медленно, словно боясь спугнуть, парень двинулся вокруг застывшей призрачной леди. Та лишь провожала его взглядом больших выразительных глаз. Но, какими бы большими они не были, за спину себе смотреть она не могла. А именно там Саша обнаружил еще одну интересную особенность девичьего тела. В аккуратной прорези кожаных штанов наружу игриво торчал хвостик. Недлинный, сантиметром тридцать длиной, он, казалось, жил своей жизнью. В то время, как призрачная девушка замерла, стараясь не дышать, ее хвостик, такой же прозрачный, кокетливо подергивал мохнатым кончиком из стороны в сторону. Словно приглашал поиграть.

И Александр не выдержал – примерился к этому живчику, к самому его кончику, украшенному кисточкой волос (точно так же, как когда-то в младших классах примеривался к косичкам одноклассниц), и ухватился за него. И даже успел ощутить необыкновенную мягкость и теплоту этого кончика. Реальную мягкость и теплоту! А потом комнату затопил пронзительный и возмущенный девичий крик – куда до него обычным российским школьникам!

Девчонка подпрыгнула, и развернулась в воздухе, готовясь к яростной атаке. А Саша едва не расхохотался:

– Какая атака, о чем вы?! Ну стукни меня по башке, такая вся прозрачная. Я ничего не почувствую. Разве что развернешься, да хвостом меня по щекам отхлещешь – как перчатками.

Вслух он естественно ничего этого не сказал, хотя в ярости эта девица была еще прекрасней. Лишь спросил негромко и строго, как хозяин комнаты:

– Кто ты, девочка?

А потом едва не оказался в нокауте, в третий раз за последние несколько часов – когда девчушка мигом успокоилась, поникла плечами, и еще тише ответила:

– Я Малышка, шеф...

Глава 5. Самая обычная магия

– Я Малышка, шеф!

Наверное, Александр командовал сумкой уже на подсознательном уровне. Когда ноги его опять задрожали, а пятая точка сама вознамерилась проверить крепость пола, на ее пути услужливо возник стул, или табурет. Последнего парень так и не понял, потому что умахивался он поудобнее уже в привычном кресле. Первое, что интересно, стояло на прежнем месте. На него шеф и указал своей призрачной подданной:

– Сесть сумеешь?

– А то!

Саша хмыкнул – в таком виде у Малышки, кажется, было гораздо больше степеней свободы. Девушка плавно перетекла в кресло. Причем ее движения – понял Александр – были не «из области балета». Нет, это были скорее движения опытного воина, или разведчика. Что-то внутри (скорее всего, та самая пресловутая жаба) взвыло: «Я тоже так хочу!». Парень командовал себе:

– Это потом! Хочешь – получишь. Пока есть более насущные проблемы.

– Какие?

– Информация! – Саша мысленно поднял палец к потолку, – самая разная. Может, отыщется и та, о чем мы с тобой помечтали.

Закончив внутренний диалог, Александр улыбнулся Малышке. Так, что та невольно поежилась. А потом начался самый настоящий допрос. Он протекал тем более интенсивно, что в самом начале его шеф выяснил – девушка полностью послушна ему; сделает все, что он потребует. Естественно, что в ее силах. А сил этих, увы, было не так много. Вот что в итоге выяснил Александр.

В памяти Малышки хранилась вся информация, что попала в ее прозрачную головку с того момента, как она оказалась привязанной к сумке. От этого артефакта она может удалиться не больше, чем на... два десятка метров (выяснили опытным путем). Такое же расстояние позволяет самому шефу повелевать сумкой. Впрочем, Малышка тут же поправилась:

– Ты можешь отойти от сумки и меня не дальше, чем на те самые твой двадцать метров.

– А дальше?

– А дальше не будет, шеф. Мы последуем за тобой.

– А если между нами окажется непреодолимая преграда?

– В таком случае для нас непреодолимых преград нет.

– М-да. а.а., – протянул Александр, – тяжелый случай. А как же вы до этого...

Он дотронулся рукой до лба, где от массивного обруча осталась лишь царапина.

– И где сейчас тот обруч, – удивился немного Саша, – в сумке?

– Нет, шеф, – он в тебе.

– Растворился, что ли?

– Можно сказать и так, – кивнула Малышка, – Гармон, мой третий хозяин, говорил, что Обруч Привязки становится одной из граней сущности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.